

СМЕНА

№ **4** 1931

ПАРТИИ—ЛИНИЯ ВАКЕМ. ДОЛОИ ДЕЗОРГАНИЗАТОРОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАСТУПАЕНИЯ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ
ОПОРТУНИСТОВ! ВОИ ИЗ НАШИХ РЯДОВ ОПОРТУНИСТОВ—ДУРУШНИКОВ! ЗА ПАРТИЮ ЛЕНИНА, ЗА ЛЕНИН

Фото Е. Игнатюк

В боях за социализм, в борьбе за дальнейшее воплощение в жизнь коммунистических мечтаний и научных предсказаний растёт, закаливается и крепнет наше поколение, поколение социализма.

Вот главный итог нашей работы, и в этом—главный залог дальнейших побед и успехов Ленинского комсомола.

Ленинское руководство партии обеспечивает наш дальнейший рост.

Зная Ленина в надёжных руках, мы его не упустим, мы его понесем по всем странам мира и утвердим, как символ победы пролетариата и всего трудящегося человечества во всех городах и селах.

Зная Ленина в наших руках и дело наше непобедимо.

А. Косарев

...Товарищи комсомольцы, товарищи пионеры! Вы шли за партией. Вместе с ней вы одержали одну победу за другой. Ни шагу назад. Вперед за свою родную большевистскую партию, за ее Центральный Комитет, и вы будете хозяевами всего мира.

Л. Каганович

СМЕНА

№ 4

Литературно-художественный общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

ОРГАН ЦИ И МК ВЛКСМ
Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 3 1
10 февраля

Ответственный редактор **С. КЭМРАД**
Зам. отв. редактора **В. ЛЕБЕДЕВ**
Заведующий редакцией **М. ЮНПРОФ**
Художественное оформление
Варвары СТЕПАНОВОЙ

Адрес редакции: Москва, Центр.
Б. Чернявский, б. т. 5-67-03

Президиум 9-го съезда ВЛКСМ

НОЧЬ-ПОНОЧЬ.

Отрывок из «ПОВЕСТИ О ВОЛЧЬЕМ БРАТСТВЕ»

Я. ШВЕДОВА

Рис. Лушина

За строениями полустанка, у яслей, лошади мирно жевали пыльное сено. Крестьяне, одетые в шубы и тулупы, уже не раз выходили на насыпь и не раз некоторые из них ложились головой на холодный рельс, стараясь услышать отдавленный грохот поезда. Поезда должны быть уже сейчас здесь, — его не было; наверное задержали заносы. Зимой западные дачные поезда — самое обыденное явление. Зимой запаздывают всегда дальше, они нарушают движение дачных и заставляют людей подождать топтаться на запасных путях.

— Не едет что-то наша пролетария.

— Рано еще.

— Не рано. Должен прибыть уже.

— Рано. Сегодня все поезда почему-то запаздывают.

— Ты сегодня, Дмитрий, Сахову на станцию возни?

— Я.

— А еще кто?

— На семи подводах их везли. Всех братьев Вихревых, Пономаревых забрала. В Москву увезли.

— Напарится теперь они в тюрьмах московских. Покормит богомолок многоножкой. В тюрьме много вить. По-моему, зря музиков повезли. Лишняя добра, ну и ладно. Трудно им и тяжело. Всего лишили да самих увезли. Зря такие строгости.

— Нет, не зря. Сегодня, я забыл вам сказать, что и Попка увезли.

— А Попка за что?

— За дело. Не прачь у вас кулацкое добро. Он если сознательный и если его выбрали в комиссию, он не должен кулацкое предупреждать. А он предупреждал и вещи их к себе на подоконник перенес, как-будто на сохранение. Таких, вроде Попка, расстреливать надо на месте. В случае чего, если кряя заварушка, так он везде метко пригнотит. Мой, я был с вами. Ваше добро прятал и верно его караулил.

— А Пономорят всех что ли возил?

— Какой всех! Увезли трюхи за поджог, а остальные ходят себе. Надо их всех бы забрать. Дома попалили, скотину уничтожили. Какие лошади были! Не лошади, а звери! Лошади у них — племенные. В Кузнецки они матку давно водили на графскую конюшню. Оттуда и повелись у них хорошие лошади. Сахова у себя сколько яблонь порубил. Теперь вот и отменят.

— За свое да отвечать! Никто за свое не отвечает.

— Очень просто, что и ответить. Раз такая струя пошла, так отвести.

Тышина. Темь. Одного мигают подслеповатые огни полустанка да самовор плят в небо красное бесонное око. Крещает мороз. Звезды испуганно падают с неба.

Где-то в отдалении прогулел гудок. Крестьяне оживились, резко оборвали свои споры и стали отводить лошадей от кормушки.

Красный фонарь вылился, как молодая дуна из-за леса. Желтые полосы скользили по полумрачным рельсам. Распустил белые усы пара, поезд остановился. В дежурной комнате начальника заспанные часы били полночь.

Люди спрыгивая на оделевевший настил платформы и, увязая в злых февральских снегах, задыхаясь, бежали к подводам, чтобы занять место поближе к передку, к теплему крестьянскому тулупу.

Первая подвода отъехала от полустанка, за ней потянулись другие. Ехала на работу ночная смена концессионной фабрики Шэффера «Бест-Ост».

Огни фабрики мигали издаലെ. Подводы уже были на подорожке. Крестьяне торопили лошадей. Поезд заводила, он пришел на полустанок «Озерная» ровно в полночь, а на фабрике в это время уже

кончат работу вторая смена. Нужно поторопиться. А то рабочие, кончившие работу, пойдут до полустанка пешком.

Неожиданно для едущих, идущих и оставшихся далеко за подводами на фабрике загудел гудок. Гудок гудит в неурочное время. Вест пар котлов пошел на звук. Гудок выбыл из сил. На миг крик стихал, и сейчас же поднимался опять. Гудок задыхался, его выкрики останавливали пеших и конных.

— Основачи, товарищи, полночь. Тревога и полночь, товарищи.

Гудок звал к себе людей. Отставшие рабочие, подбирая помы пальто, мотавшие во время бега, заспешили по дороге. Нагнав ушедших вперед, они спрашивали их:

— Что случилось, товарищи? Почему так гудит гудок?

Тревожный крик соединил людей в толпу, силотил их, люди думали только об одном; слово «человек» перестало существовать, встрепенулось другое слово, уже забытое наполовину, слово, рожденное в забастовках на баррикадах и фронтах, слово, за которое боролись и гибли поколения:

Товарищи!

Обойдя друг друга, рабочие спрашивали о случившемся, старики бежали в ногу с молодыми, старики рядом с девушками, а крестьяне криками и кнутами подгоняли лошадей.

— В чем дело, товарищи?

— Полночь и тревога.

— В чем дело, товарищи?

Из дачного поселка, банских деревень, короткими зимними дорогами и напрямком, по потаненным тропкам, бежали на крик гудка бахтинские крестьяне. На фабричном дворе уже тревожно мелькали золотые римские каски пожарных. Толпа у ворот требовала впуска на территорию фабрики. Стража распахнула ворота. Закричали тяжелые цепи.

Корпуса были спокойны. Окна были ровно освещены. Плямя нигде не пробивалось наружу. Спокойны были, как и корпус, пожарные, ходившие по двору. А гудок кричал о помощи. Толпа останавливалась в нерешительности и сразу круто повернула к освещенному делу, на тревожный свет факелов.

Под гудком сводили дело, у машин и пожарного оборудования, уже теснились рабочие первой смены. У входа, зная людей, горели торжественно-печальные факелы. Зимними звездами падали горящие капли и, упав, они горели синим цветом на снегу.

— Что ж это такое, товарищи? — недоумевая спрашивали друг у друга собравшиеся. — Гудок перестал гудеть. Огни не видно. Люди ходят по двору как ни в чем не бывало. Даже дымок нигде не прихватывает. А мы бежали, бежали... и посещася жмур поднаживаются.

— Да это, товарищи, тревога... ложная, — пояснил кто-то из толпы. — Экстренное собрание двух смен, устроиваем.

Свет факелов поднялся над головами. Огни вздрогнули на никелированных частях пожарных машин. На насос подыгались, как на трибуны: Кузнецов, озобоченный Тышлер, Мельникова, недоверчиво смотревший на собравшихся рабочих и крестьян Натан Абрамович Гольдман и пятый, черноробордый, одетый в нагольный тулуп и шапку-финку.

Кузнецов махнул рукой, как дирижер. Факелы качнулись и страхнули нагар. Толпа подчинилась, притихла и насторожилась.

— Товарищи!

Толпа приподнялась на цыпочки. Им показалось, что сегодня говорит не секретарь партийной ячейки Кузнецов, а самый обыкновенный рядовой, который вместе с ними, может быть, бежал от станции на зов, или, может быть, ехал на подводах.

— Товарищи!—повторил еще раз Кузнецов.—Мы сегодня собрались сюда невозможно необычайно. Нам нужно поговорить... В углу устатый, как кот, крестьянин говорил команданту Булыгину.

— Товарищи!—говорил Кузнецов, отчеканивая каждое слово.—Я вижу в толпе не мало крестьян. Представитель от деревни Бахино с нами рядом. От имени всех смен я скажу крестьянам пролетарское большое спасибо за участие в несчастьи. Рабочий и крестьянин всегда шли рука об руку.

Толпа сделала за оратором, а он, чувствуя на себе тысячи глаз людей, по-разному думающих о нем, выступающем со словами энтузиазма, пытающегося заечь сердца, чтобы все хоть миг подумали об одном и по-одинаковому,—он спокойно рассказывал о событиях, в которых участвовал все трудовое население Союза республик. Морозный ветер курчавил рюкзак волоса на голове Кузнецова. Величавая простота неизбываемых минут ощущалась всеми. Свет факелов освещал оратора только до груди, а другая половина терялась в тени, и казалось, что перед толпой стоит человек необыкновенного роста. Казалось, что слова оратора и сам оратор незаметно пропали в толпу, что он не уходил от нее, как и она от него.

— Товарищи! следите за производством. В целом ряде городов вражеская организация подожгла и продолжает поджигать фабрики и заводы. Вагетела на воздух большая мельница в одном доиском городе. Об этом вы, наверное, знаете из газет. Враг не дремлет. На удар мы отвечаем ударом, как отвечали и раньше... Будем на чеку. Будем беречь свои корпуса, свои машины и механизмы.

Эти слова толпа приняла по-умному. Она крикнула тысячу глоток, подняла вверх тысячу крепких кулаков и кулачечков:

— Мы бу-у-д-е-е-м и в-а-а-а чеку-у-у!

Слова стали приказанием и люди похлынули выполнять его. Товарищи крестьяне! Общес. партия при поддержке широких слоев трудящихся осуществляет и проводит в жизнь лозунг ликвидации кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства. За 12 лет кулак сумел видоизмениться, у него теперь другая покровительственная окраска; враг сплошь да рядом превращается в рабочего и под прикрытием профсоюзного билета начинает заниматься предательством. Профбилет—его защита. Он стал решительнее. С профбилетом он или без профбилета, но враг всегда остается врагом. Раю или поздно его вражда, его ненависть прорутятся, и такой враг, притаявшийся у нас в глубоком тылу, особенно опасен... Вы видите, товарищи, новые корпуса.—Кузнецов показал вправо, и толпа увидела новые корпуса с большими, много дающими света, окнами. Рядом с ними старые корпуса подходили к мрачной военной тюрьме.—Вот в эти корпуса скоро придет четыреста новых рабочих. С весны начнется строительство жилых домов. В корпусах и на постройки из дерева придет не мало крестьян. Крестьяне из ближних деревень, особенно из наших общих врагов, проникших на строительство под видом сезонников... Я, товарищи, кончаю. Сейчас выступит предельсовета товарищ Плетнев.

Крестьяне, прибежавшие на крик гудка, звявшего с фабрики, стали кричать и хлопать в ладоши.

Плетнев чуть подскочил вперед, и загоравшая полы тулупа, сказал:

— Слышим—гудок. Тревога. Побежали. Одеваться некогда. Одежи на нас пришла на помощь даже не одевалась. Вот я прибежал в исподнее, а другие тоже такими же прибежали. Вы держитесь за нас, а мы за вас. Вы свой клуб уступили часто под наш соборный, выискали из московского Дома крестьянина докторов. Спасибо. Мы ведем в деревне большое наступление на наших врагов. Мы обезоружили их. Мы добились больше тысячи боевых патронов, десятки винтовок и обрезов. В соседней деревушке, куда мы поспешили на помощь, мы наши даже два пулемета. Торжаш-огородинки не дремали. Они потопылок вооружались. Но не все, товарищи, у нас благополучно. Плохо мы еще одеваемся все. Баграк, работавший сколько лет у кулака, припрятал у себя в хибарке его вещи, спуска их от общооблавления... Будем следить. Скрывая вещи кулаков, такие люди играют на-руку нашему врагу. Ну вот и все.

Плетнев отошел. Его место занял Мельников. Девичий голосок пошелся, как поспешивший человек, раз, обремененный тысячами зернами; неожиданно он выпрямился, наделись мужеством и призывом.

— Товарищи! Все сказано Кузнецовым и Плетневым. Добавлять почти нечего. Матери, что будет с нами, если сгорят корпуса? Они—одна наша опора. Мы должны беречь их, как береже своих

детей. Мы должны гордиться ими, в них наша сила. Многие из девушек говорят, что они любят фабрику. Надо это доказать. Завтра с утра добудь фабрику охранять рабочие патрули. Кто любит свою фабрику, должен быть в отряде охраны.

— Товарищи!—крикнул Кузнецов.—Надо расхотиться. Сегодня было на соборный полторы тысячи человек. Ложная тревога показала, что крестьяне с нами, что деревня не отстает от поселка. Товарищ крестьяне прибежут к нам на помощь, когда гудок прогудит и боевую, настояю тревогу.

... Сколько поколений рабочих и крестьян враждовали между собой! Фабрики и заводы уводили из деревень самую лучшую силу, а обратно возвращали или калеки или отпетых бродяг, от которых старался извратиться деревенский мир. Слово «фабричная» или «фабричная» приравнивалось к ругани. Сколько лет фабричные не везли деревенских. В голодные годы эта вражда возросла, город и фабрика шли на поводу деревни, но фабрика вынудила деревню и повела за собой... А вот сейчас стало ясно и понятно, что стерлись всевозврата межи вековой вражды.

Первая смена, работавшая с обеда, вышла из ворот вместе с крестьянами, а ночная, вторая, заняла их места у станков и машин.

Глубокая луна сторожит безлюдье заводчика и озер. На снегу отчетливо чернеют впадины, обожженные мажут факелов.

На дворе тишина.

большинство дело и еще раз дело, ибо, правильно сказал Кошарев, над бесспорно крат не только за исправление политической линии, но и за сверное проведение правильной политической линии.

Идея огромного повышения качества всей нашей работы, нового качественного наполнения соревнования и ударничества, нового качественного содержания учебной основы здесь следовало. Умощнение большевистского энтузиазма на техническое умение, вращание комсомола в самую систему хозяйственно-культурного строительства и социалистического совершенствование этой системы—вот имя этому новому качеству. Ведь кождому уже сегодня становится «фактором государственного управления», а партия ждет от нас новых и новых тысяч командного состава для социалистического производства!

Колодный зал в огнях и полотнищах, в прибое матросских флаanelов и будничных пиджаков. Делегат активен, он растет в материалах, что-то записывает, идет к трибуне. По докладу ЦК записалась в прениях около 300 делегатов. В вечерных бродяг большие группы и потот лессии—лессии старые, новых очень мало, а что хочется спеть новую песню! В новом поколении комсомола, в этой поднявшейся человеческой волне—черты подобности и

КАЧЕСТВО БОЛЬШЕВИЗМА

Фото Е. Игнатюк

Пространства и дни, клубясь, уходят за нашей спиной.

В снежную глубь январской ночи уходят красные звезды на дырах шахт, сжатых воздухом взорванные скалы, багровые переделки горных цехов. Штурмовые ночи и тянущиеся в ныть конструкции, субботники на вокзалах и пристанях, лесные делянки, занесенные бурман, лета конейфера, блуждающие в полях огни тракторных фонарей,— все уходит и возвращается вновь, в игольнике мы чувствуем силу огромную лопат, разрывающую эту ночь, и буран. И вот мы стоим, двадцатилетние и семидесятилетние, и героический человек в военном френче стоит, улыбается среди нас.

— Сталин, Сталин—ура!

В октябре 1920 года в станицевском зале на Малой Дмитровской нестроивалась такая же буря. Полугодовалая фронтовая молодежь в рваных шинелях и кожанках, делегаты III съезда РКМСМ встречали коренастого большеголового человека, слушали его чуть картавую речь, чтобы потом целое десятилетие и дальше—по скалистым дорогам эпохи пронести ее как свое боевое знамя. Это поколение, которому сейчас 15 лет, и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

Через восемь лет, присутствуя на выполнении пятилетнего плана великих работ, на VIII съезде комсомола выступила тов. Сталин и развел Ленинскую уставовку, выдвинул новые задачи союза в соответствии с новым этапом социалистического строительства. Съезд, перед которым накануне выступал Бухарин, оппортунистически смазавший рамки классовой борьбы в стране, опростовит сложность задач комсомола в этой борьбе,—этот съезд Сталин призвал подымать боевую классовую готовность организации, предельно мобилировать ее на выполнение пятилетнего плана.

— За свое да отвечать! Никто за свое не отвечает.

— Ответ просто, что и ответи. Раз такая струя пошла, так ответи.

Тишина. Темь. Одиноко мигают подслеповатые огни полустанка да семафор пляжт в небо красное бесконное око. Крепчает мороз. Звезды испуганно падают с неба.

Гас-то в отдалении прогудел гудок. Крестьяне оживились, резко оборвали свои споры и стали отводить лошадей от кормушки. Красный фонарь выплыл, как молодая луна из-за леса. Желтые полосы околелили по полузанесенным рельсам. Распустив белые усы пара, поезд остановился. В дежурной комнате начальная заспанная часы были полночь.

Люди спрыгивали на оделевевшие настия платформы и, увязая в злых февральских снегах, задыхаясь, бежали к подводам, чтобы занять место поближе к передку, к теплему крестьянскому гудулу. Первая подвода отъехала от полустанка, за ней потонулись другие. Ехала на работу ночная смена концевой фабрики Шерфера «Бет-Ост».

Огни фабрики мигали издаലെ. Подводы уже были на подходе. Крестьяне торопили лошадей. Поезд запылал, он пришел на полустанок «Оберзая» ровно в полночь, а на фабрике в это время уже

ектов и оборудования для новых заводов. Все силы Союза на разрешении урано-кузбасской проблемы!

От имени ивановской делегации Герасимов обращается к комсомольцам Западной области с требованием, чтобы они добились вынтера большей добычи льна—нигде в этом году не будет использовано на фабриках 64,5% оборудования по преданию и 48,1% оборудования по фактесту. Все силы Союза на разрешении проблемы сырья для легкой индустрии!

Магнитостроевец Петелин возмущается холодным отношением украинского ЦК к подготовке квалифицированных кадров для строящегося гиганта. Все силы Союза на разрешении проблемы кадровой участников съезда пронизывает чувство единства хозяйственного действия. Тысячи гектаров, миллионы тонн, перфобеска отрядов строителей с одного участка фронта на другой—вот приличные рамки для суждений. Мы ощущаем всеобщий рост и огромную ответственность, клауудующую на плечи.

Косарев отпараторовал партия, комсомолу, всему миру о героническом пробеге в социализм, проделанном Лениным комсомолом в первых шеренгах штурмовых колоний миллионно, руководимых партией. Величайшая награда для каждого комсомольца уже в одном том, что IX комсомольский съезд собрался в начале третьего года пятилетия, накануне завершения фундамента социализма в советской стране, в разгар величайшего события мировой истории. Разве то, что мы являемся активными участниками этого события—участниками, делегатами мировой социалистической революции—не источник глубокой радости для нас?

Скорбно громомет барабан, подорогает медь—военный оркестр играет похоронный марш. Мы встаем, кровавая борьба погребает торжественно-печальные факелы. Зимними звездами падают горячие капли и, утая, они горели синим цветом на снегу.

— Что же это такое, товарищи?—недоумевая спрашивали друг у друга собравшиеся.—Гудок перестал гудеть. Огни не видно. Люди ходят по двору как ни в чем не бывало. Даже дымком нигде не припахивает. А мы бежали, бежали... и посейчас ноги подкашиваются.

— Да это, товарищи, тревога... дожняя,—попятил кто-то из толпы.—Экстренное собрание двух смен устраиваем.

Свет факелов поднялся над головами. Огни вздрогнули на никелированных частях пожарных машин. На ласос поднялись, как на тридуну: Кузнецов, озобоченный Тышнер, Медыникова, недоверчиво смотрящий на собравшихся рабочих и крестьян Нтан Адамювич Гольман и пятый, черноробордый, одетый в нагольный тулуп и шапку-финку.

Кузнецов махнул рукой, как дирижер. Факелы качнулись и страхуни нагар. Топла подчинились, пригизла и насторожилась.

Топла приподнялась на цыпочки. Он показалось, что сегодня говорит не секретарь партийной ячейки Кузнецов, а самый обыкновенный рядовой, который вместе с ними, может быть, бежал от станции на зов, или, может быть, ехал на подводах.

тиные молодые ударили, руководители комсомольского Урала и комсомольского Донбасса, инженеры-комсомольцы, военные, морские, летчики.

Вырос, большевистски возмужав за эти два с половиной года комсомольский активист. От постановки главным образом вопросов внутрикомсомольского характера—к задачам государственного масштаба, на командные высоты хозяйственного строительства!

Сибиряк Голиков приводит цифры, доказывающие, что кубазский уголь самый дешевый в нашем Союзе, по качеству—лучший в мире, по условиям добычи—доступнейший. Какой позор комсомолу, если он не использует этих возможностей! Ведь именно на основе этих угольных богатств мы должны развернуть металлургическую и химическую промышленность Урала! Эдак, на IX съезде,—грозит Голиков,—я подожгу к своей основной мысли, что уроки-мушкетера проблема, что не есть задачи районного, краевого масштаба. Это задача, которую партия поставила как важнейшую перед всей страной, перед всем рабочим классом... Поэтому IX съезд не может пройти мимо этого и должен прямо поставить вопрос, что сейчас необходимо мобилизовать все силы Союза на помощь Уралу-Кубазскому.

Убавенский делегат Шарипов заостряет внимание съезда на «белом золоте»—хвокке, добываемом Гейро выдвигает вопрос о преобразовании врубочки во врубочный комбинат, москвич Лукьянов считает одной из главных задач—правильную расстановку сил комсомола на решающих участках строительства. То, о чем говорили в докладе Косарева—о перевооружении актива, о замене бумажной страны циркулярными экономической географией, картами и планами, о твердых научных знаниях, без которых дальше продвигаться нельзя,—это уже изданный и растущий процесс, который к X съезду совершенно изменит тип комсомольского работника. Но это не победа техника над занавесившим, над нами, а наша победа над техникой, овладение ею. Если сегодня в работах IX съезда участвуют два десятка комсомольцев-инженеров, то к следующему их должно быть в двадцать тридцать раз больше!

Закаленный в боях пятилетия производственников, органически связанный с партийным коллективом, политически зрелый, который знает цену и слезамой фразе и мышиному писку правого оппортуниста—вот центральная фигура комсомольского движения реконструктивного периода, центральная фигура IX съезда. Да, это поколение не видело городских, не сражалось на фронтах гражданской войны, но оно проходит школу классовый выучки в великих битвах детства, где требуется не меньше героизма и преданности делу пролетарской революции!

...Когда в перерывах между заседаниями выходишь в фойе Дома союзов, видишь, как налетает братва на книжный прилавок. Тут всегда тесно. Какие книги приобрела та сухощавый смуглый дедушка из казахстанской делегатской группы? Руководитель по охотничьей и второй части 3-го тома «Капитала». Почему именно вторую часть 3-го тома, разве она думает начать проработку именно с этого?—Делегатка улыбается: просто все тома расхулены, а ей дозрел нужен для учебы Маркс, она обязательно добудет остальные части. Харионов выписывает специальную записку. Хариусев, серьезный, безлобый берсерг «Историко диалектико Асмуса. Эта габуинья, всепобеждающая тигр к подлинной культуре, к подлинной науке, эта неизменяемая связь дерзаний пронизывает жизнь съезда.

Вчера вечером в Колонном зале выступала Надежда Константиновна, мы ждали слушать ее тихий, книжный голос. Надежда Константиновна наставляла на углубление теоретических знаний, специальных знаний, необходимых комсомольской армии строителей социализма. Эти знания мы уже берем, уже завоевываем—мы цепкие люди, но это не та цепкость, что создается буржуазной войной всех против всех, а мощь и сила вставшего класса. И прекрасно сказал на съезде Косарев, что для молодежи Советского союза первые в истории сняты вопрос о выходе в люди—двери университетов и академий открыты для сынов рабочего класса и трудового крестьянства!

Идут речи.

Вырос комсомол—еще больше выросли задачи его, гигантские задачи последнего этапа зная и первого периода социализма. Конечно, конец старым методам руководства—руководства вообще, по принципу «в общем и целом». Требуется руководство дифференцированное, расчлененное—по уголю, по металлу, по энергетике, по транспорту. Гвоздь работы, основной принцип, стержень всей борьбы—проверка исполнения.

Проверка исполнения—вот классовая задача!

Не верить на слово, не успокаиваться на резолюциях—двойная коммунистическая задача и еще раз дело, ибо, правильно сказал Косарев, надо беспощадно критиковать не только за искривление политической линии, но и за сверное проведение правильной политической линии.

Идея огромного повышения качества всей нашей работы, нового качественного наполнения соревнования и ударили, нового качественного содержания учебы—основная идея съезда. Умоложение большевистского энтузиазма на техническое умение, вращение комсомол в самую систему хозяйственно-культурного строительства и социалистического совершенствование этой системы—вот ими этому новому качеству. Ведь комсомол уже сегодня становится фактором государственного управления, а партия ждет от нас новых и новых тысяч командного состава для социалистического производства!

Колонный зал в огнях и полнотехнике, в прибое матросских фанфар и будущих подтяжков. Делегат активен, он растет в материале, что-то записывает, идет к трибуне. По докладу ЦК записались в пленники около 300 делегатов. В перерывах бродит большинство группами и поют песни—неси старые, новых очень мало, а как хочется спеть новую песню! В новом поколении комсомол, в этой поднимающейся человеческой волне—черты подобранности и

дисциплинированности: речи выступающих четки и конкретны, всеобщее отращение к пустым фразам, делегатская жизнь распадается на заседания, органические сроки. Огромный СССР дышит в окна Колонного зала и это дыхание оживляет людей. Раскалывается зал, и мы на минуту теряем чувство времени—на трибуне седой Воронин. Он тоже сегодня говорит о качестве—да, он говорит о качестве большевизма, о драгоценнейшем качестве большевистской революции, заключающемся в этой крепкой, как алмаз, связи комсомол с партией. О близких последних боях с миром эксплуатации, креста и затаскивок говорит Воронин. Комсомол, не тебе ли драться в верных рядах?

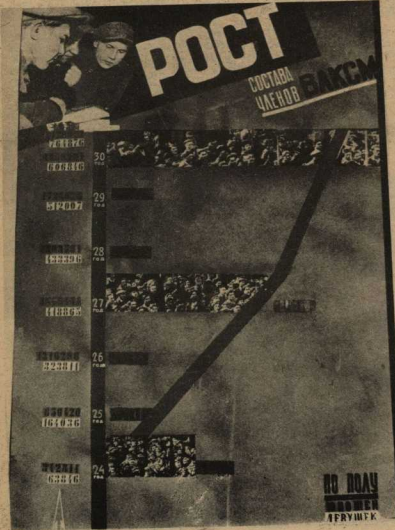
И уже не один СССР—весь мир, изрезанный войнами и кризисами, старая земля, опустошенная огнем, опутанная раковой проклятой гибнущей культурой—весь мир виден нам из этого зала, из этих стен, в которых прощались семь лет назад с вождем а учителям.

И мы встает и поем «Интернационал».

Фото Е. Игнатович

ВСЯ РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ—В РЯДЫ ВЛКСМ

(выставка полиграфического института, организованная к их съезду и иллюстрирующая рост ВЛКСМ).

Участники комсомольского лыжного пробега.—Ленинград—Москва, км. IX съезда

Комсомольцы Владимирского района, покрывшие 162 км. в 22 часа

Лыжные комсомольцы Моск. военного округа в зале заседаний съезда

С РАПОРТОМ
9-МУ
СЪЕЗДУ
ВЛКСМ

1937-1938 г. 5/27

ПАРОЛЬ КОМСОМОЛА — МАГНИТОСТРОЙ

СЕМЕН НАРИНЬЯКИ

Внимание. Мы смотрим сегодня кинофильм о Магнитострое. Эта глава посвящена доменному цеху.

— Прогод. Июнь. Надпись на экране. Приказ партии:

— Захват магнитостройки домы 1 октября 1931 года.

— Часть 1-я. Стройка. На месте будущих восьми колоссов домен копаются два десятка пауслиных рабочих. Долгаты медленно бросают землю в старье лески траблер. Несколько клещ с трудом таскают траблерские телеги.

Работа движется очень медленно. Срок окончания котлована домы № 1—1 июля—срван. Второй срок — 12 июля — срван так же, как и первый. Третий срок — 27 июля — подвергается той же участи.

Часть 2-я. Позорная работа в доменном цехе вызывает возмущение общественности. Дома приковывает к себе внимание тысяч. О темпах строительства домы говорят на собраниях, о них кричат заголовки газет, им посвящаются решения партийных организаций.

Август. На стройку домы приехала молодежная бригада стадионградских арматурщиков Редина. В котлованах начинают работать ударники. Кружевные узлы железных прутьев переплетают нить домы. Впервые в доменном цехе план перевыполнен. Молодые ударники Сталинграда дают 314 процентов задания.

Сентябрь. Доменный цех обрывает бетонными шахтами и эстакадами. Экскаваторы скупают землю под котлованы других домы. На участке начинают бегать мотовозы.

В сентябре домы много нехватало. На доменном участке не было самого главного — там не было плавки, единичная и соревнования — этих трех стержней большинства темпов.

На экран мелькает надпись. Партия словами сентябрьского обращения говорит о прорывах в промфинплане. Магнитостройке комсомольцы объявляют тревогу. К доменному цеху прикрепляется член бюро районного комитета, и уже 16 сентября стройка читает в ударном областном комитете первый рапорт приревнованного.

«План домы срван. 13-го пошел дождь, рабочие отказались рыть котлованы. Бетонировка зера первой домы отложена. Вторая, третья смены работают с перебора из-за нехватки щебня, песка и электроточилки.»

Треугольные домы работают плохо. Комсомольская ячейка бездефисует.

Я добился, чтобы каждому комсомольцу выдали на руки печатный план работы доменного цеха. Ночью было проведено собрание. Десять человек вступили в батальон энтузиастов. Рабочие начали прорабатывать встречный промфинплан. О положении на доме сообщено районному комитету партии.

Часть 3-я. Октябрь. На доме оживление. В графике работы нестрат ударные полоски. Энтузиасты освоили участок коридором показателных бригад. На экране идет борьба за октябрьский план. Хозяйственники выставляют план 6300 кубометров месячной заданки бетона. Ударники требуют увеличения этой цифры до 8700. Хозяйственники уперствуют.

Их упорство объясняется просто. Рабочие в таких случаях говорят: оппортунисты просятся на красную доску. Оппортунисты умудренно намекают преувеличенные задания, чтобы перевыполнить их и потом гордиться своими достижениями.

Смотрите на экран внимательно. Борьба разгорается по всему доменному фронту, рабочие своей цифрой не уступают, они расклеивают по эстакаде лозунги — за 8700 куб. метров бетона!

Время идет. У кулера № 1 разворачивается борьба с оппортунистами. Рабочие делом доказывают свою правоту. До конца месяца остаются сбитые дни. Комсомольцы домы берут шефство над каулером. Они дежурят там дни и ночи. Но что это?. Вода заливают котлован, она поднимается выше и выше. Неужели бетонировка они борются с ней. Они вгоняют в глотку ридников дренажные трубы и гонят воду в колодец. Но вода не сдается. Она льется через руки ударников и затопляет котлован.

Вы видите борьбу за плавку. Вы видите, как плавильная мехлемола Гюндесера сияют гордо ступицы. Вы видите плотников бригады Чернова, которые стоят в воде и не бросают работ по овалубке.

Знаете ли вы, что это значит?

До конца месяца осталось три дня. Бетон льется в котлованы непрерывным потоком. Огромный вращающийся зев бездефисует, оставшаяся только для того, чтобы вывалить содержимое в вагоны.

Смотрите! Рабочие в бригадах устраивают ежедневные производственные совещания, они ищут способы устранения простоев.

А бетон льется и льется. Ударники бригады Осынина как от ветра прибивают в темпах. Количество замесов несется вперед. Триста, триста двадцать, триста семьдесят, четыреста, четыреста пятнадцать.

Эй, кто там ратовал за 6300 куб. метров? Подходи сюда!

В 11 час. ночи 31 октября ударники домы перевалили за 8000 кубометров.

В октябре окончилась бетонировка фундаментов двух домы и двух каулеров к ним. Надо было думать уже о железном скелете домы — железных конструкциях.

В октябре — в самый разгар горячей борьбы на каулеры — комсомольцы отправили телеграмму Днепропетровскому заводу Стальмост.

Молния

Днепропетровск. Завод Стальмост

Встречным планом ударники домы кончают

бетонировку фундаментов магнитостройки домы. Не зарежьтесь нас железными конструкциями. Возьмите шефство магнитостройки заказами.

Прошло две недели, и 2 ноября мы читали в «Комсомольской правде» такое сообщение:

ДНЕПРОПЕТРОВСК. — Мостовому заводу «Стальмост» поручено выполнение конструкций для доменного цеха Магнитостройки завода. Над заказами Магнитостройки взял шефство комсомольский коллектив. По предложению комсомольцев завод объявлен мобилизованным на выполнение заказов. С 18 числа весь завод работает на Магнитостройку. Сейчас совместно с дирекцией по заводу объявлен пароль — «Магнитострой».

Систематически проводятся выезды легкой кавалерии в цехи, обслуживающие заказ. Проведен ряд «штурмовых ночей», во время которых комсомольцы и беспартийные молодые рабочие в прокатных цехах завода им. Петровского и Ленина нагрузили необходимых мостовым металла. Налетом в прокате вывезены большие запасы неотгруженного металла. Поднят вопрос об их отпарке.

Сквозная комсомольская оперативно-плановая бригада выслала сигнальный пост на завод им. Дзержинского для ускорения отгрузки листового железа и балок. Постояне сопровождают шхеры с грузом.

Внутри завода организована сквозная бригада из представителей цехов конструкций и обработки. В ячейке обработки выделено по одному дежурному на кухни, разметки, наметики для контроля над прохождением заказов по цеху.

Механическая ячейка организовала бригаду слесарей во всех трех сменах для предупреждения аварий на механизмах, обслуживающих магнитостройские заказы, так как механизмы загружены для ускорения доставки.

На заводе сейчас создан пост «Комсомольской правды». Благодаря его вмешательству удалось снять запрещение на переброску грузов с завода им. Дзержинского вследствие загруженности станины. Пост обратился к комсомольской организации завода с требованием точно соблюдать порядок срочности в отгрузке.

Все мероприятия комсомольского коллектива обеспечивают выполнение заданий Магнитострой в два раза быстрее сроков «Стальм» — место месяца в пятнадцать дней.

На сегодня пока все. 3-я часть нашей кинофильма закончилась. Что? Вы ждете конца? Конца еще далеко. Вы помните приказ партии — захват домы 1 октября 1931 года.

А пока сходите на кирпичный завод, поглядите, как там орудует комсомольцы. Прочитайте на кирпичном заводе молодежной смены по грузаме пещей 45 о.к.к. Эта смена выполняет план на 130 процентов. Там же, на кирпичном, комсомолец Фильмошин организовал свой труд так, что вместо 12 тысяч кирпича он сдает в пещь по 15 тысяч.

Когда пойдете обратно к кирпичному заводу, задайте на временную электростанцию и поинтересуйтесь там комсомольцы. Они расставляют вам, как они организовали молодежную смену и заставили учеников учиться у себя искусству управлять дизельми.

Большевистским сегодня мы строим собственными руками свое завтра, и видим это завтра таким, какое оно должно быть по размерам пятнадцатого января.

ПРЕДСТАВЛЕН К ОРДЕНУ

Это было летом, когда строик Нижегородского автозавода лихорадка прорыв и угрожающие цифры угромо смотрели с ежедневных сводок о ходе работ.

Ударничество, соревнование были мало знакомы строителям — новым людям, еще органически не включенным в борьбу за завод. Был слаб и комсомольский организм. Он только формировался. Но тогда же комсомолец Виктор Сорочкин сколотил из группы ребят ударную бригаду.

Бригада вскоре стала первой производственной коммуной Автозавода, «коммуной безупречных энтузиастов», — как ее громко называли на стройке.

Коммунары показали блестящие образцы работы. Виктор Сорочкин, хороший арматурщик, крепкий комсомолец и настоящий энтузиаст, сумел так спаять, сцементировать свою коммуноу, что она стала на стройке символом чести, славы, доблести и геройства.

— Сорочкины не подведут! — вот характеристика, которую дает коммуно начальнику строительства тов. Царевского.

...Сорочкины укладывали арматуру на крыше деревообделочного цеха. Работа спорилась. Вместо 350 кг по норме, — каждый укладывал в день по 700—800. Все было хорошо... Но недопустимо отставали бетонные работы; нехватка людей.

Однажды вечером, после ужина, из двух белых палаток, разбитых прямо у цехов, вышли тридцать человек. Они пошли ликвидировать прорыв, бетонировать цех. И не ушли, пока не выполнили задание.

Кстати, о белых палатках. В них все время жили сорочкины. Они говорили:

— Мы не перейдем в помещение, пока не окончим работы в деревообделочном.

Не помогали ни уговоры, ни требования. «Мы обязаны быть здесь», — твердили коммунары, и настаивали на своем.

В одну из ночей, когда дождь ведалом заливал палатки, коммунары спали, как убитые. Везд не шутка: напряженный рабочий день, а потом — долгая и утомительная работа на бетоне. Но коммунарам долго спать не пришлось. Их разбудили и сказали:

— Завтра прибывают конструкции, а пути завалены. К утру их надо очистить. Что делать?

— Что делать?! Сорочкины вылезли из палаток, пошши в промыван и установили срочную работу.

«А утром — опять в цех...»

Вот выдержка из стенограммы речи начальника строительного управления тов. Царевского:

«Им никогда не нужно было приказывать, их не приходилось уговаривать или заставлять. Стоило только написать записку: «Со-

рочкины, там-то прорыв, — надо помочь», — и они шли; грязь, ветер, дождь, сыпавте не мешали им, они шли драться за завод, за победу социализма. Прорыв на гавани, — и вечером, через 10 минут после телефонного звонка сорочкины уже там, — выгружают баржи. Опыт сорочкинцев должен быть обобщен и передан на другие стройки.

«Про них пишет 7 ноября газета «Автомобиль»:

«Они универсальные арматурщики, они выполняют и плотничные работы, и гидрунируют в деревообделочном, идут на электро-сварку, не гнушаются грузовыми и черными работами. Слова устава сорочкины не знают.

«О них говорит американские рабочие и специалисты: «Отличаются быстротой, честностью и аккуратностью работы».

В июне в коммуное было подтора процента прогулов. В последующие месяцы — ни одного.

Даже встречный план выполнялся бригадой с превышением в подтора два раза. Производительность бригады неуклонно растет.

В первые дни ударного квартала вся бригада Сорочкина поддала коллективное заявление о вступлении в партию.

В октябре прошлого года сорочкины получили за ударную работу переходящие Красное знамя.

Бригада неоднократно премировалась. Единственный «взрослый» член коммуно — арматурщик Сергузин — был премирован заграничной поездкой вокруг Европы на «Абхазии».

Краснознаменная коммуно Сорочкина, имени XVI Всесоюзного партсъезда была первой на стройке. Сейчас коммуно — тринадцать. В них — около двух тысяч человек. Первого января, в первый день третьего года пятилетия, эти коммуно приняла твердый устав производственно-бытовых коммуно.

Виктору Сорочкину — двадцать два года. На производстве — девять лет. Сейчас он в красноармейской форме, курсант полковой школы Нижегородского артиллерийского полка.

Слет ударников Автозавода, заседавший 1 января 1931 года в Канавинском Дворце культуры, постановил:

«За выдающиеся заслуги перед строительством лучшего ударника-комсомольца, организатора первой производственной коммуно тов. Сорочкина

— представить к высшей продарстарской награде — ордену Красного трудового знамени. Возбудить соответствующее ходатайство перед краевыми и центральными организациями.

Решение ударников Автозавода — подарок всему комсомольскому коллективу всей трехмиллионной комсомольской семье.

Ибо Сорочкин вырос в этой семье, и Сорочкины у нас — тысячи...

И-Новгород, Автозавод

СРАЖЕНИЕ

ПОД МАРКШИТАДОМ

Республика Немцев Поволжья — в центре борьбы за хлеб. Ее актив: коммунисты и комсомольцы, рабочие, советские работники, колхозники — все поставлено на ноги. Напряжено протекает борьба в Маркшилтаде, небольшом городке с четырнадцатью тысячами населения, на левом берегу Волги.

Еще недавно ковалышский хлюст хлебозаготовок Маркшилтадский кантон в августе вступил, продвинулся вперед и занял пятое место в республике. В первых же рядах гордо шествовал Маринентальский кантон, претендент на переходящее республиканское знамя.

Упомянутый успех Мариненталь вызывает Маркшилтад на социалистическое соревнование. Маркшилтад принял вызов, хотя по плану на каждые два центнера Мариненталь Маркшилтад должен сдавать три центнера.

Приведены в боевую готовность все силы. Подтянулись партийно-комсомольский актив. Зашевелились села, колхозы соревнуют друг с другом в выполнении заданий. Еще теснее сплоснется беднота: — Мы сдаем хлеб государству. Тут пусть и кулаков вываляют да еще ему твердое задание.

Начата борьба с кулацкой спекуляцией. У кулаков вываляют тысячи пудов скрытого хлеба.

Сентябрь принес много удач Маркшилтаду, и он все решительнее настигает ушедшего вперед «протвинника». Но... в тылу okazался новый «протвинник». Обгоняя другие кантоны, развернутом фронтом грозно наступил Покровск.

Перед Маркшилтадом встала двойная задача: нагонять Мариненталь и в то же время отбиться от настигающего Покровска.

Октябрь был решающим месяцем Покровска, следовавший по пятам Маркшилтада, догнал его и стал рядом.

В рядах маркшилтадцев смутнение. В селах и колхозах спорят о причинах поражения:

— У нас неправильная расстановка сил. Протвинник нас бьет потому, что мы ряд хлебообразующих районов не втянули в бой.

— Не в этом дело. У нас головокружение от первых успехов. Мы уменьшили темпы, энергию... А где кулацкий хлеб? Почему он упирает на базары?..

— Сдаваться?! Не выполнять боевого задания партии? Ни за что! Выбирают обкомовский штаб соревнования. Каждый активист и колхозник чувствует себя задатым, лично обязанным. Притом еще печаль, в особенности «Нахрихтен» («Известие»), негодует:

«Озор, маркшилтадцы!..»

А Покровск, как бы насмеялся над оставленным позади Маркшилтадом, бросает вызов Мариненталю и выдвигает встречный, прешающийся первоначальный план на 10,000 центнеров.

Рабочие Маркшилтада, ударники завода «Возрождение», на экстренных собраниях решают:

«Маркшилтаду немедленно подтянуться. Он должен во что бы то ни стало завоевать звание Республики!»

Колхозники села Кано в свою очередь заявляют:

— Сельем из своей едочки нормы, но не сдадимся.

«Нахрихтен» неуступно твердит:

«Маркшилтадцы, вам большевистское слово!

Признавая свое поражение, Маркшилтад перестраивает ряды, смеждает старое, но оправдывает себя руководство, бросает новых руководителей в села.

Дороги к самым пунктам покрываются красными обозами. Новым наступлением Маркшилтад вываляет Покровск из занятых им позиций.

Лицом к лицу вновь лишь два противника: Маркшилтад и Мариненталь.

Теперь уже Мариненталь с беспокойством оглядывается назад и в свою очередь мобилизует новые силы. Вся Непреспублика и в несомненным вниманием следит за развернувшейся борьбой.

Кто победит: Маркшилтад или Мариненталь?..

Зам. председателя Совнаркома Непреспублики т. Фукс заявляет в «Нахрихтен»:

— Я не сомневаюсь в том, что победа останется за маринентальцами. Я хорошо их знаю по гражданской войне, когда мы дрались вместе против белых на Украине...

Но наркомем Непреспублики т. Шнейдер иного мнения. Он в то же в газете заявляет:

— Я верю в маркшилтадцев... Во всех политических кампаниях они всегда были в первых рядах. Не сомневаюсь, что и тут они не опустят...»

Что скажут маркшилтадцы?

И так как они молчат, «Нахрихтен» иронически спрашивает: «Какой кантон возьмет Маркшилтад на буксир?..»

Это уже звучит издевательством. Далеко молчать нельзя. Слово беручу бывшие партизаны Маркшилтада:

«Разве мы дрались на красных фронтах хуже маринентальцев? Почему зампредсовнаркома волагает свои надежды только на маринентальцев? Товарищи, мы должны доказать, на что способны маркшилтадцы!..»

Села бурлят в соревновании. Село Кано повею красный обоз колхозом путем, для того, чтобы соревноваться с ним Беккердорф ничего не замечает... Ведь каждое село, каждый колхоз оспаривают друг у друга первенство. Вместо ежедневных сылок по 400—500 центнеров Маркшилтад начинает сдавать по 1,800—2,000 центнеров в день.

В Маринентале беспокойство. И тут массы ни за что не хотят уступить первенства. Маринентальские красноармейцы в специальном обращении, помещенном в «Нахрихтен», пишут:

«Мы, красноармейцы Маринентальского кантона, горды тем, что наш кантон оказался в хлебозаготовках в первых рядах. Мы узнали, что маркшилтадцы хотят нас обогатить... Но этого мы ни в коем случае не должны допустить... Мы, красноармейцы, окажем вам вслескую поддержку...»

А в Маркшилтаде в это время втягиваются в бой все новые резервы. Женский актив кликует клич:

«Дашь женские красивые обози!..»

«Обуземся доставить 40,000 пудов.»

Напрягут комсомольцы!

«Дашь молодежные обози!..»

И вновь по всем дорогам тянутся разукрашенные обози. На мешках зерна восседают колхозницы, единоличницы, юности и девушки с комсомольскими значками, со знаменами и лозунгами:

«Наш ответ: никому не уступим первенство Маркшилтада!»

Шутите, дорогие товарищи! Мариненталь тоже не лыком шит!..

Там на помехи сельскому активу самоорганизуются учителя школ. Там по селам разбрелись комсомольцы... Борьба будет упорная. Но... совершенно неожиданно вблизи дерунищих вновь появляется Покровск с определенным намерением отстеснить обоих противников и самому занять первое место.

Покровск твердо решает к 20 октября перегнать Маркшилтад. Последний вновь мобилизует силы. Всем селам дан лозунг:

«Готовьтесь к решительной схватке 20 октября. Бедняки, середняки и колхозники, везите хлеб, заставьте кулаков выполнять твердое задание!»

19 октября в 10 час. вечера из Краснояра сообщают:

— Готовы привести 15,000 пудов.

— Мало!

Через некоторое время красноярцы вновь звонят:

— Мы не учли хлеб упорствующего кулака. Сдадим больше...

— А все ли мы сейчас учли? Мобилизуйте все, что можете!..

К 19 часам ночи выясняется, что резервы достаточны для того, чтобы противостать Покровску. Но, чорт возьми, нет мешков!..

Нет мешков!.. Ярость способна прошибить стены. Поздно ночью из кровати вытаскивают представителя Союзхлеба и доставляют его в штаб. Протывая глаза и подтягивая брови, тот смущенно заявляет:

— В наличности всего 2,000 мешков...»

— Чорт!

— Мы не ожидали на сегодня такого повышенного требования... Мешки в деревнях...»

— Нужно не менее 7,000 мешков. Что делать?..

— Остается послать по деревням за мешками!..

«Делать телефонграммы в Филиппсфельд, Кано, Буаро, Паульское: «Краснояр организует красный обоз. Нехватает мешков. Срочно выделите свободные мешки и немедленно на подводах отправляйте в Краснояр. Об отправке мешков, их количестве и фамилиях лиц, ответственных за своевременную доставку, сообщите в кантонный штаб.»

Из одного села сообщают в ответ, что ночью трудно что-либо предпринять.

Нужно выполнить! Разве можно сшибить подъем, идущий снизу, только потому, что обнаруживается халатность с мешками? Мешки должны быть!..»

Село Фишер вовсе не отвечает на телефонные звонки. Комсомольцы предлагают:

— Сдашь на лошадей и дуй на Фишер.

— Есть!

В Фишере, оказывается, поная демобилизация. Дежурный штаба заснул на посту у телефона. Председатель сельсовета спит лыный... Его вытаскивают за уши, показывая окружающим.

Комсомольцы все себя.

— Будите беднячко-среднякащий актив.

Сонные товарищи высказывают из изб, наступают на председатели:

— В такое время прыть! Мы давно замечали, что ты являешься с кулаками.

— К чорту такую власть! Снять немедленно...»

— Сейчас выберем ревком, а завтра или послезавтра созovem собрание совета. Кто-то должен еще сегодня распоряжаться, руководить!..»

— Правильно.

Через несколько минут новая власть приступает к работе.

— А что сделать с заснувшими у телефона дежурным?

— Арестовать на пять суток.

Через два часа под руководством комсомольцев подводам с мешками, прозеяя густую теньоту, направлялись в Краснояр.

В штабе надвываются телефонные звонки. Из Паульского сообщают, что после прошедших дождей мест сильно повреждено. Между тем за день по мосту должны пройти обозы с десятками тысяч пудов.

— Схачи в Паульское!—предлагают товарищу.

— Что я могу один сделать?..»

— Один? А местные партийная и комсомольская ячейки, активы? Мост к утру должен быть починен... За все остальное отвечаете ты и обе ячейки.

Через три часа позвонили в Паульское:

— Как мост?

— Работают при фонарях.

Позвонили еще через час. Работают. К утру сообщили:

— Мост готов.

Но все же мешков недостаточно. Это может задержать обоз или значительно его уменьшить. Директива:

— Ни в коем случае не уменьшайте. Мешки должны быть.

Звонок:

— Алло. Горсовет, табачная фабрика... завод «Возрождение»...

Шлите немедленно лошадей.

Три комсомольца скажут в разные стороны собирать новые партии мешков для Краснояра.

Спрашивают из другого села:

— Можно ли прийти с обозом двадцатого ночью?

— Ни в коем случае. Ускорите темпы. Обоз должен быть до

вечера с тем, чтоб, он вошел в пятнадцатую сводку соревнования. Помните: Покровск следует по пятам.

И вдруг днем кто-то высказывает соображение:

— Не привезут к сроку, будут останавливаться в селах покурить, поботать.

А вдруг действительно заезжаются? На столе, как в оперативном отделе фронта, карта Непреспублики. Рука все время водит по карте. Положение серьезно. На каждый километр дороги к сыпным пунктам Марientала и Покровска в Марксштадте приходится три километра.

— Еще раз сообщить по селам, чтобы обозы нигде не останавливались, скажи бы прямо на Марксштадт.

— Да, но отдельные уже в пути.

Тогда по селам летит предложение:

— Товарищи! Снабжайте проходящие обозы кормом, всем необходимым. Только не останавливайтесь! Предлагайте следовать прямо в Марксштадт. Помните, на карту ставится сегодняшний успех нашего соревнования с Покровском и Марientалем!

Днем в штаб вваливаются взволнованные колхозники из Гларуса:

— Мы узнали, что Покровск намерен нам поджогить свинью. Со вчерашнего дня он приобрел большое количество зерна с определенной целью—сдать все зерно сегодня, чтобы решить сражение в свою пользу.

— Без паники, товарищи. Свяжитесь с вашими селами, предложите вести больше и быстрее.

Теперь уже сами сельские активисты висят на телефоне.

— Алло! Каю... Цюрих...

— Сколько дает Гларус?

— 50 центнеров.

— Мало.

— Накроем еще 20 центнеров.

— Мало! Получите остатки кулацкого хлеба. Победа будет только тогда, если мы решим наш спор с классовым врагом.

Весь день телефон передает по селам и колхозам одно и то же требование:

— Если дорожите победой, везите скорее... везите больше.

К концу дня начавшая разведка противника.

Звонит из Марientала:

— Как у вас дела?

— Ничего... везут.

— А у вас?

— Тоже ничего... пока неопределенно...

Через полчаса сообщают из отдельных сел:

— Из Марientала и Покровска спрашивают о положении дел.

В штабе улыбаются:

— Разведка пошла в обход.

Весь день проходит в торжественном возбуждении.

Обозы следуют за обозами. Жгут воздух знамена, кричат плакаты: — Хлеб рабоче-крестьянскому государству на индустриализацию страны.

Гудит музыка... Хриплые голоса с балкона Кантиспокома уже устами приветствуют проходящие обозы, отвечающие на каждый призыв громовым

УРА!

Новые обозы подходят. Заводно привезли овощей. Заводно и мяса. По плану нужно было заготовить 65 голов крупного скота и 400 мелкого. Привезли 119 голов крупного и 435 мелкого.

Последними подходят красноярцы. Бесконечной лентой растянулся обоз.

— Напрасно панику пороли. Мы уверены были, что поспеем,— заявляют передающие повозки.

— Хлеб везем вопреки поповским и кулацким просякам.

А когда поздно ночью последние пустые повозки, гремя по мостовой, оставляя Марксштадт, приемные пункты сообщают в штаб:

— За один день собрано около 7 000 центнеров зерна.

Столько собрали раньше за целую пятидневку.

Растянувшись на полу и на столах, снят уставше товарищи.

Дежурный у телефона неотступно добывает сведений о результатах соревнования в Покровске. А утром приходит ошарашивающее сообщение:

Марientаль выполнил	71%	годового плана
Палассовский	70 ⁰ / ₁₀	»
Марксштадт	64,2	»
Покровск	63,5	»
Побиты		

Все противники отчаянно боролись за вчерашний день. Впереди Марксштадта оказался Палассовский кантон. Откуда он взялся? Вчера

еще плелся в хвосте... Что делать?

И снова общее решение:

— Ни за что не уступать!

Днем совещание актива решает продолжить борьбу, мобилизовать новые резервы.

Телефон разносит по селам воззвание:

— Товарищи! Несмотря на наступление 20 октября, Марксштадт вынужден был сдать свое право на почетное Красное знамя Республики. Впереди нас идет Марientаль, нас обогнал Палассовский, а с тылу насаждает Покровск. Выбранный вами штаб совместно с активом решил:

— Назначить новый день штурма 25 октября.

— Хлеб к сыпным пунктам подвозить днем и ночью.

— Люзунги штурмовых красных обозов: «За почетное знамя Республики! За тракторизацию! За МТС!»

— Призвать села и колхозы к выдвинутому встречным плавам, к окончательному получению хлеба от упорствующих кулаков.

— Обсудить необходимые меры на экстренных собраниях, о результатах сообщить.

Итак, снова в бой, товарищи!

Кантон Маркс не отступал.

Сражение продолжается...

Фанфаристы возвращают открытию IX съезда ВЛКСМ

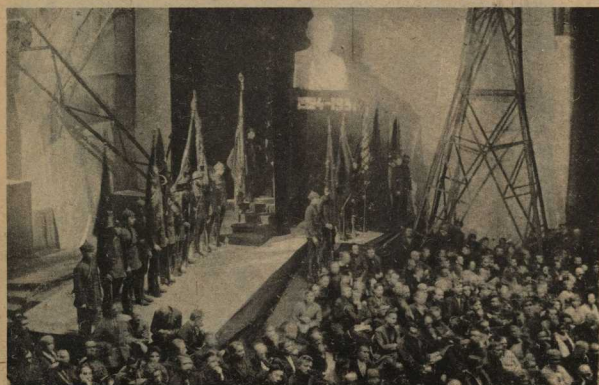

...Боееспособность воздушного флота во многом зависит от личного его состава. Кто будет обслуживать воздушные силы в качестве летчиков, бортмехаников, в качестве инженеров, работников аэродромов—от этого в значительной мере будут зависеть и рост и успехи Красного военно-воздушного флота.

Поэтому вы обязаны взять на себя, по примеру морского флота, и шефство над военно-воздушными силами СССР.

...Товарищи, сейчас у всего рабочего класса... растет чрезвычайная потребность и углубленному знанию, и поэтому сейчас в области культуры пред'являются повышенные требования. И я думаю, что каждый из вас чувствует необходимость поднять эту работу на более высокую ступень.

...Мы стоим на правых мы нашли содержани реконструктивный партия партии—это боль достойная молодых и нов, молодых и старых лизма. Она нам по т радостно борется и мы

А ТРИБУНЕ

9ГО

С'ЕЗДА

ВЛКСМ

IX с'езд ВЛКСМ от лица трехмиллионной армии комсомола, безгранично преданной делу рабочего класса и коммунистической партии, уверяет любимого друга, вождя и учителя тов. Сталина, что и впредь союз будет по-большевистски бороться за генеральную линию партии, с еще большим напряжением будет драться с классовым врагом на самых трудных участках социалистического строительства и, готовясь к обороне СССР — отечества пролетариата всего мира, — по первому зову партии будет рад отдать все силы и жизнь лучших своих сынов на баррикадах мировой революции.

ильных позициях,
е своей работы в
мод... Генеральная
шевистская линия,
старых большеви-
строителей социа-
плечу, мы за нее
ее осуществим.

...Позвольте, товарищи, выразить полную уверенность, что комсомол, который шел за партией твердо и неуклонно... и впредь будет верным учеником Ленина, верным учеником и последователем большевистской партии.

Позвольте выразить твердую уверенность, что комсомол с IX с'езда поднимется еще на одну ступень, станет еще выше, еще шире, еще глубже руководить многомиллионной молодежью и поведет молодежь за партией, и полной победе коммунизма.

Р О Г О Ж А

КОНСТ. МИНАЕВ

Рисунки Г. Якубовича

Мартенщики на третьей печи не любят гостей. Особенно их расприсов.

Придет делегация или комиссия, водят ее по заводу, показывают, и конечно—в мартеновский. И обязательно к третьей:

— А вот наша комсомольская...

Наверху над печью красуется доска: «Ударная комсомольская имени IX съезда ВЛКСМ».

— Гости сейчас с расприсовами:

— А скажите, товарищи, почему комсомольская?

— Потому,—буркнет кто-нибудь из мартенщиков, а гости еще шире улыбочку:

— Ну, а все же: почему именно ваша, третья, а не первая, не вторая?

— Комсомольцы так постановили. Бригады, значит, здесь молодежные.

Какой гость... Иной, как магнит:

Комсомольцы? Это очень интересно. Расскажите, как это вышло?

Мартенщик, зажимая рукавицей носдрию, фыркает, как лошадь:

— Я здесь, извиняюсь, недавно. Не знаю, с чего началось.

Спроси вон у старика.

Какой гость... Иной отстанет, а другой наоборот, к старикам привяжется.

— Да так,—отмахиваются старики.—Ну стало быть печь была legjobb всех. Собрались ребята и сказали.

— Да вы спросите лучше мастера.

Мастер, согнувшись, смотрит в печь через синее стекло. Слушает гостя одним ухом.

— А? Что?

Он будто не понимает вопросов. И вдруг, повернувшись, кричит в лицо гостю, размахивая стеклом:

— Некогда нам сейчас, товарищ!

И бежит к другой печи:

— Давай, давай там!

...Однжды на лесенке, что ведет вверх к печам, показалась ребячья голова с красным галстуком. Мальчишка карабкался наверх с барабаном. За барабанчиком оказался другой пионер. Мирюшка, сын литейщика Ивана Лексевича. Пионеры выпрыгивали один за другим. И когда все вылезало, построились в зveno. Барабан дал дробь,

и пионеры под командой Мирюшки двинулись по цеху. Они спотыкались о кучи старого лома, перепрыгивали через расклеванные брошенные чокери и не отставали от барабанщика.

— Насчет пятiletки приходи,—проговорил сонный подручник Иванцов, не поднимаясь со своего насиженного места у шкapa.

— О займе,—ответил Арсенька, который играл в поддавки на скамье, где была выжжена шахматная доска. Сегодня в столовой он видел новые плакаты о займе индустриализации.

Пионеры, пройдя по цеху, остановились около третьей печи.

Мирюшка взобрался на скамью.

— Товарищи!—крикнул он.—Наш завод изо всех сил борется за выполнение промплана. Отвечая на призы партии и комсомола...

— Я говорил, что насчет пятiletки,—проговорил Иванцов зевая и стал свертывать большую цигарку—болванку.

Мартенщики столпились около Арсеньки, следя за его ходами, и не слушали оратора.

Мирюшка прокричал и прыгнул со скамьи. Пионеры завозились. Они тащили какой-то мешок и палку.

— Э-э, никак концерт затевают!

— Поди, живья гагет!

Так и есть. Ребята что-то прятали и осторожно переговаривались.

На кучу сырья взобралась Лизка, дочь вдовы Катерины, сторожних клуба.

У Лизки один чулок был короче и из-под короткого лаяла выдвигались голышки. Она качалась на тонких ногах, как шаля, готовая взлететь.

— Вот какое дело,—выкрикнула она,—третья печь в декабре дала 67 процентов выплавки стали. Наш отряд постановил отменить ее заслуги и наградить знаменем.

Под дробь барабана пионеры подняли палку. На палке длинная старая рогака.

Арсенька быстро смеяла шанки, переагнула скамью и подошел к ребятам.

Он не понимал, зачем Мирюшка полез на железный перелет. Но он заметил, как пионеры дружно подавали ему снизу палку с рогакой.

Мирюшка вдел палку в перелет и распрямил рогаку.

Рогака широкая, тяжелая. На стальной пол упала большая квадратная тень.

У первой и второй печи гикали, свистели и хлопали рукавицами.

— Это что за махарад?—вскричал Арсенька повертываясь. Иванцов сидел на корточках и тупо глядел на рогаку.

— Какого чорта ты нас задерживаешь? Пошли, ребята! Некоторые двинулись к дверям.
— Виноват, виноват!—подняла руки Чернецов,—то ребята, которое ребята заслужили! Разве мы не знаем, что третья позорит весь цех? 67 процентов! Две плавки в сутки! Товарищи, кто смеет знамя?!

Молчание.

— Брось, Митька,—угрожающе бросил Иванцов.
Это был первый камень. На Митьку и ребят полезли с кулаками.
— Ты что сам бузу затеваешь? Какие они имеют право, сопляки, нам маскарад устраивать?—стучал кулаком Арсенька.

— Что мы им?
— Мы сами знаем! А сырье нам дают? А печь ремонтируют? Митька, упершись руками в стол, ждал. Лязку прижали к стене, и она напрягалась, чтоб не вскрикнуть от боли в коленках.

— Вторая печь тоже ремонта просит, а у них всегда 90 процентов!—подняла голову Чернецов.—Один словом, вот что: пионеры представляли нам ультиматум. Дело передают на базу и в завком. Кто смеет знамя?

— Да мы все сожгли!—бросил Арсенька.—Что ты нам сделаешь? Ну, что?

— Что?—вскочил Мирошка.—Мы отдадим под суд вас всех! В газету. Мы потрещем...

Но Мирошке не дали договорить—его отткнули от стола. Лизка зашипала.

Крики: «Митька во всем виноват! Он поднял волнушку и действует, как провокатор».

На крик подошли старики.

— Глоткой, милой, ничего не сделаешь,—заметила Логиня Арсеньке.—Ваше дело закончилось.

Тут поднялся Вася Сквашин. В руках у него клочки бумаг. Вася был вечным секретарем собрания, он всегда улыбался и составлял резолюции.

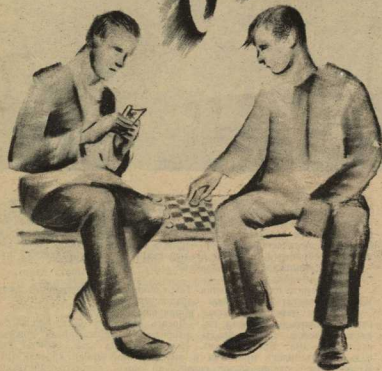
— Затихните! Умолчи! Вася говорит!

Когда затихли наконец, Вася улыбнулся и прочел: «Инициативная группа комсомольцев совместно с беспартийной молодежью объявляет печь № 3 ударной. Для этого создаются молодежные бригады... Просить стариков влиться в молодежные бригады... Для руководства бригадами создается тройка в составе: Чернецова, Арсентия, Бурова...»

— Кто против?—спросил Чернецов.

Против не было.

См. стр. 21

А пионеры между тем, еще раз пройдя по цеху, спокойно спускались вниз по лестнице.

На другой день Мирошка и Лизка пришли на разведку к третьей печи.

Тогожа не было.

Подручные, отрыв заслонки, лениво и медленно бросали лопатами в огнеиную пасть сырье и камень. Они не замечали ребят, их встревоженных, спрашивающих взглядов.

— Где ваше знамя?—наконец спросил Мирошка.

— Какое знамя?

Подручные подмигивали. Ребята видели на их лицах усмешки и судороги смеха.

Ребята заматывались. Послышался гогот.

Тут не выдержала старик Логин (у него дочь была пионерка).

— Ребятишки,—морщил он им,—ваш подарок они сожгли. В печь бросили...

Мирошка и Лизка вскрикнули и подбежали к печи.

В это время подняли заслонку. Обдало сухим нестерпимым жаром.

Ребята отскочили, закрыв глаза.

— Ну, хорошо!

Подручные видели, как пионеры юркнули в двери цехпрофбюро.

Секретарь комсомола Митька Чернецов попросил ребят успокоиться.

— В завком пока не суйтесь. Мы сами сейчас все обсудим и решим.

— Мы на базе поставим!—грохнула Лизка.

— Не горячитесь, ребята. Вы дадите мне два часа перемирия?

— Ладно, даем!—согласился Мирошка.

Смена кончилась. Чернецов, стоя у дверей столовой, загонял в нее молодежь. Все думали, что Митька хочет объявить насчет лязковой вылазки, которую намечали провести на днях.

Но Митька не отвечал на вопросы и не улыбался. Он протискивался к столу, где сидели молчаливые, хмурые Мирошка и Лизка.

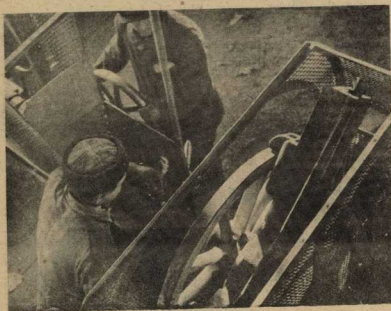
— Дело серьезное,—проговорил Чернецов.—Вчера на мартене сожгли знамя, которое...

— Какое знамя? Дерьмо!

Ростовский Сельмаш пущен в ход!

Обточка колеса в деревообделочном цехе

Члены колхоза „Красный партизан“ осматривают завод

К зданию со множеством дверей подошли терские казаки. По команде старшего они остановились, как один человек. Они были сумрачны, эти храбрые люди, прожженные в войнах и партизанских боях. Их черески красного, черного и серого сукна были украшены серебряными гофрами и дырочками от белоохранских пуль. Что привлекло сюда казаков?

Это не тайна.
Посмотрите на верх здания. Там хлещет по ветру красный доскут: «Привет делегатам окружной партконференции».

Казакам навстречу вышел коринфский человек.
— Товарищи! — сказал он. — Десять лет тому назад здесь была степь и война. Белые банды, разбитые и опозоренные, доживали последние дни. Время бежит. Исчезли следы атак, забыты канюны, выпрямилась приметная и высохла намоченная кровью трава. В заглухшие степи вырос гигантский завод сельскохозяйственных машин. Это за него умирали наши.

Крестьянская Россия не знала машины. Соха да кляча — вот какой был весь «аппарат». Революция пробила брешь, а коллективизация доканала кустарное земледелие. Машина въехала на поля и начала завоевание земли. Но то была машина заграничная. Мы за нее платили золотом и дали появиться классовому врагу — фабриканту-капиталисту.

Теперь этому конец. Готов Сельмаш. Пущен Сельмаш! Советская машина пойдет работать на советские поля.

Ежегодно:

100 000	крестьянских телег,
100 000	конных граблей,
100 000	тракторных плугов,
40 000	тракторных сноповязалок,
30 000	тракторных сенокосилок,
30 000	тракторных сенокос,
10 000	дисковых борон,
и 10 000	тракторных прицепов.

Всего на 115 миллионов рублей будет производить ростовский гигант.

Пожалуйста!

Распущенные двери проходов. Казаки двинулись между барьерами. Широкий подземный туннель, разлегиший под шоссе и железнодорожными путями, проглотил полсотни делегатов окружной партконференции.

...Выйдя из туннеля, казаки с удивлением осмотрелись вокруг себя. Перед ними, среди асфальтовых дорог, лежали роскошные клубы с цветами. Полузрелые растения обвивали здания, нежно-зеленые липы, тополя и актин стройным рядом уходили вдаль.

Что здесь — завод или городской сад? Неужели сейчас загремит оркестр, прозвучат нини с детскими, ребята проскажут, играя в лошадики, деушки усядутся на скамейки, лузгая семечки?

Нет, это завод. Здесь рождаются сноповязалки, телеги, сенки. Это завод, но завод небывалый — без грязи, без дыма, без копоти. Его территория покрыта асфальтом, цехи утопают в зелени, как беседки. Они небывало светлы и просторны, их наполняет свежий воздух, а пыль и духота в них так же редки, как пожары.

В цехах оборудованы умывальные комнаты и столовые. Каждый рабочий имеет металлический шкафчик с тремя отделениями. Нижнее в виде ящика и два верхних, отгороженных стеной, одно выкрашенное в белый цвет для чистой одежды, другое — черное, для заводской. Рабочий раздевается, меняет платье в шкафчик и идет под душ. Он заходит в маленькую кабинку, поворачивает кран, и дырчатая тарелочка осыплет его водными брызгами. Рабочий ухает

ХОДОМ

Ростовский гигант сельскохозяйственного машиностроения—Сельмаш

и приседает. На дворе жара. Липкий пот покрывает лоб и мерками струйками течет за шиворот. Тело рыхлает, как разварившийся картофель. Но вот—поворот маленького краника, и наступает замечательная прохлада.

Переодевшись, рабочий проходит в столовую, уставленную квадратными столиками. По стенам висят плакаты, портреты и лагути. У дальней стены эстрада. Обед готовится на фабрике-кухне, где стене красуется искаженная рожа папы римского, замахнувшегося известным престолом.

Социалистическое будущее глядит из каждого цеха Сельмаша. И странное чувство святого времени овладевает гостем.

В июне 1930 года еще ползи по кучам гравия железнокошечные экскаваторы. Уже тогда 13 и 15 производственных цехов, рокоша станками, работали, нагоняя темпы.

Казакам было на что посмотреть.

Они прошли лесорезку и деревообделочный цех, населенные всевозможными пилами, ножами, сделанными в хитроумные станки. Их отбрасывали гигантские махитковые пыли, свешивающиеся с потолка, кровокаядные, как акулы; дисковые, крутящиеся в станках; ленточные, деликатные, как преподаватели французского языка; станки-драчуны—кулачные бойцы, заколачивающие спицы; строгальные станки и станки-прыгуны, мелкими ножками выгравзанные в дереве гусзда и выемки.

Они прошли кузнечно-прессовой цех, самый мощный в Союзе, занимающий площадь в три гектара и обрабатывающий 165 000 тонн металла в год. Там, в этом цехе, они видели станки, сплюскающие диски, рычащие, как львы, и молоты, клающие металл, как дятлы.

Они прошли завод невозмутимые, спокойные, даже сумрачные. Это были серьезные, суровые люди. Грандиозные цехи, выстроившие по проектам советских специалистов, весь завод неизданным в Союзе благоустройства, созданным без помощи иностранцев на год раньше срока, заинтересовали их, удивила, но не вызвала восхищения, какого можно было ожидать.

В горячем, как кипиток, цехе сеялок, готовившем в подарок партийному съезду 50 машин, казаки раскрасились, как устрицы. Тут обнаружилось их конкретно направленные деловые интересы.

Хмурые воины в простреленных черкесах внезапно позабыли свое спокойствие и достоинство. Они без стеснения залезли под готовую и выкрашенную уже тракторную сеялку, ощупывали диски, гребные бороны, рычаги управления; вылезали, открывая семенной ящик, измеряли глубину и удальбились, насколько позволяла обветренная кожа лица.

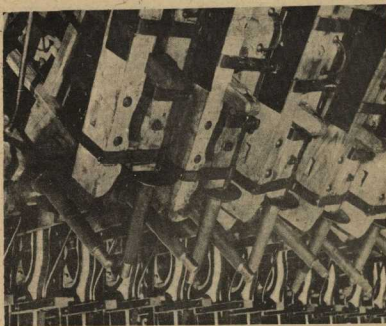
— Мы ж землеробы,—говорили казаки.—Мы всю жизнь сидим на земле. Война, шашка и карабин—это бедствие. Мы крестьяне, а не бойцы. Наше старинное оружие—пятаeria и душкош, которое мы сменили теперь вот на эту сеялку. Завод замечательный, и станки на нем удивительно хитрые. Но замечательнее завода и станков его—это сеялка, машина, нужная нам дозарезу.

И еще сказал старый партизан-казак Болодин:

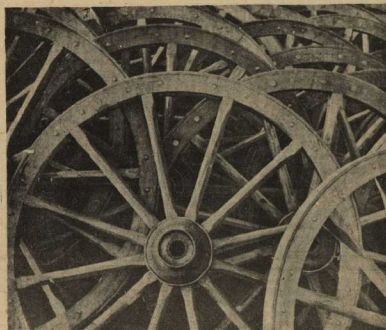
— Трудовой полк колхоза имени Ленина, выполнивший первым по Северному Кавказу посевной план, превисев его на 130 процентов, послал нас на завод, чтобы увидеть на практике мощь рабочего класса... И вот мы, основной костяк, заявляем: рабочий класс выполнит то, что взял на себя. Он построит социалистическую промышленность, и мы, бедnota и колхозники, вместе с ним сделаем жизнь прекрасной, как эта сеялка. Мы вернемся в станицы и расскажем о заводе. Пусть каждый казак знает, что стоит под Ростовом гигант, рожденный советской властью и партией, готовящий войско сельскохозяйственных машин.

Красная сеялка с кремовыми колесами стояла победительницей и гордо выпячивала пузо с надписью: «Сельмаш».

А пятого января 1931 года «Сельмаш» пошел полным ходом.

Готовая продукция Сельмаша

Колеса для с.-х. машин

СУДИТЕ МЕНЯ

В ме борюте сейчас дае чувства. Одно чувство велит спрятать свои мысли и желания от посторонних взоров и ушей; так гораздо спокойнее. Другое чувство, растущее из коммунистического долга, заставляет раскрыть себя, показать твердое мнение.

Я хочу быть коммунистом до конца. Поэтому я поблду по второму пути, блбе опасному, но более честному. Я верю в свою правоту и это облегчает мое исповедь.

Я—коммусомолец. Учусь в технологическом институте одного из крупнейших украинских городов. В институт я пришел после шестилетнего пребывания в трестовской конторе и тредленого—в комсомоле.

Я не сбавлялся с институтскими ребятами. Я хочу рассказать вам о наших спорах. Мой рассказ будет искренним.

В недавню минутище дня я работал счетоводом в одном из крупных харьковских трестов. Раю утром я приходил на работу, усаживался на высокий стул и тоскливым взором обводил окружающие меня бухгалтерские книги. Мне становилось очень больно и тягостно, что лучшие годы мои—в плену у бездарных столяков цифр.

Я хотел учиться. Мои мысли гуляли по окраине города, без пропуска входили в заводы и цехи, мой взор любовался машинами. Я мечтал о тех днях, когда передо мной раскроет свои двери технический вуз и я, взойдя на Гималаи знаний, сплущу вино, вооруженный опытом веков.

Я решил добиться своего. Мне долго пришлось убеждать секретаря нашей комсомольской ячейки. Вскоре и он, и бюро ячейки дали согласие отпустить меня на учебу.

Экзамены продолжались несколько дней. Вскоре в списке принятых я прочитал свое фамилию. Дали будущего вплнотную приблизилась ко мне. А через некоторое время в нашем институте лачались занятия.

Для меня же началась страдная пора.

III

Дни учения не принесли мне горечи разочарования. Долгими часами просиживая я над учебниками, глотая сложные формулы, раскрывая их нутро, расшифровывая чертежи, в которых исповещаний мог бы запутаться. Ребята говорили по моему адресу:

— Он исцает формулы, как орехи.

Без хвастовства, я действительно занимался делом всех.

Я легко преодолевал препятствия. Товарный футуризм сбросил для меня свою маску таинственности. Крутая графа дифференциального исчисления сложила свою вершину, и я вошел на нее. Диалектический закон противоречий всеким и нужным грузом залет в голову.

Меня на любимые и нелюбимые, с одинаковым упорством выгрязался в законы механики и теорию сопротивления материалов, в мendeleeвскую систему элементов и принципы диффузии. Я знал—чтобы быть хорошим инженером, нужно много знать и много понимать.

Все зачеты у меня шлохимо глалко. Профессора одобриительно кивали головами, слушая мои ответы. Мне поручались самые ответственные задания, и я отдавал дни и ночи, чтобы безупречно выполнить их.

У нас было много летягов. Они никогда не забывали получить стипендию, но порой забывали дорогу в институт. Их не один раз вызывали на бюро факультетской ячейки комсомола. Секретарь ячейки Громов о ступая кулаком по столу:

— Государственную денгу дарюн жрать хотите? Не бывайте этому! Учиться надо. Нам нужны проверенные и преданные кадры, а вы... вы, черт, людыя правдуете.

И сразу же, снижая тон, добавлял:

— Вот у кого вам учиться надо, у Семенко. Это будет искренером!

Ко мне относились хорошо. Меня ставили в пример. Это подстегивало еще больше. Я с утренней силой брался за работу.

IV

Трения с ребятами у меня начались на втором курсе. Я поспежнему уделял свое внимание академической работе и это, как ни странно, начали ставить мне в вину. Прежде позволяли быть преданы забвению. Назались ссоры и словесные драки.

Громов поймал мене одлажды в коридоре и заваял разговор. Он думал, что говорит убедительно, а я чувствовал всю ошибочность его постановки вопроса.

— Что значит быть комсомольцем? Понимаете ли ты это, Семенко? Это значит—быть всегда на чеку, с железной энергией делать академические высоты и гореть—салишиш, гореть!—на политической работе. Партия так ставит проблему кадров: нам нужны хороо квалифицированные, преданные специалисты, но специалисты, че отгородившиеся китайской стеной от политической жизни, а наоборот—живущие этой жизнью и отдающие ей свои силы. А ты? Ты вошел в академик, как котр прычется в нору.

Я ответил ему:

— Скажи, Громов, что такое разделение труда. Издай, почему на Англию экспортируются промышленные товары, а из старой бирской России вывозятся главным образом сельскохозяйственные продукты? Скажи, почему у нас человек избирает себе специальность инженера, а другой—дoктора? Механика, друг мой, заключается в том, что

над всеми нами долает закон разделения труда. Нельзя объять небуе воймом. Нельзя гнаться за двумя зайцами, ты можешь из одного обьятное. Нельзя гнаться за двумя зайцами, ты можешь из одного обьятное. Нельзя гнаться за двумя зайцами, ты можешь из одного обьятное. Нельзя гнаться за двумя зайцами, ты можешь из одного обьятное. Нельзя гнаться за двумя зайцами, ты можешь из одного обьятное.

Эзнок прервал наш разговор. Громов вышел в аудиторию, бросив на ходу:

— На-днях мы закончим эту беседу.

V

Задого до этого разговора с Громовым бюро нашей факультетской ячейки проделало через райком мое прикрепление к небольшой швейной фабрике. Мне поручили руководство агитколлективом, и я с энтологией принялся за работу. Я знал, что на этот раз мой откат от работы влжет бурю гнева и может быть, даже дождь организационных виводов.

Я работал в агитколлективе спустя рукава. Сочетать успешную академическую работу с работой общественной было невозможно. Я предоставил все естественному ходу событий.

Не помню по каким, но всемогущим по серьезным, академическим причинам я сорвал подряд два занятия коллектива. Фабричные ребята сообщили об этом в райком, а уж там дали надлохому Громову. В тот же день я узнал, что обо мне ставится вопрос на бюро.

VI

На заседание бюро факультетской ячейки я не пошел. В горле появились красивые налеты. Было трудно говорить. Дня я переслала с братишкой заявление. В нем я писал:

«В Бюро факультетской ячейки

Заявление

Семена Семенко, комсомольца,

студента 2-го курса

Из-за болезни я не могу присутствовать на заседании бюро. Прощу вопрос обо мне разобрать заочно. Я подтверждало мое точку зрения, которую известил секретарю ячейки тов. Громову. Считаю, что нагружать меня общественной работой нецелесообразно, так как это ослабит мою академическую успеваемость. Весь вечер я волновался. Ребята предупредили меня, что готовится Мамаев любеще. Виноющую речь собирались провонести Громов, к выступлению готовился и даже подбирал какие-то цитаты из Ленина студент Сидигрев и, наконец, после всего этого предпологаюсь выпустить лучшего оратора нашей ячейки агитпропа Львовченко.

Я уловился с Зайченко, что после заседания бюро он зайдет ко мне и расклет все подробности. Зайченко мог бы даже показывать мне протокол, он тексеретарь ячейки и всегда ведет протоколы заседаний бюро.

Зайченко пришел ладно. Он просунул лохматую голову в дверь и дружным тоном, будто собираясь утешить, сказал:

— Ни черта не вышло. Пришел наверх из райкома и весь вечер мы обсуждали вопрос о предстоящих переизборах бюро. О тебе совсем немало к концу заседания поговорила. Вот прочитай этот пункт протокола.

Зайченко тилул пальцем в исписанный лист бумаги. Я прочел:

ПОСТАНОВИЛИ:

Вопрос о Семенко поставить на ближайшем общем собрании. Предать Громову написать статью в газету «Темпы»

Я прочитал Зайченко и стал раздумывать.

— Кто же прав? Может быть я действительно поступаю не как комсомолец? Может быть надо уйти с головой в политикувер, в агитколлектив, в собрания и заседания, и плонуть-на учебу?

Но я не сдавался. Я прочтала эти мысли, востоянная слова:

«Во заводах 1 крайний олит инженер. Ник таких их вин три коммунисти».

VII

Локшинов, наш упономоченный по распространению институтской газеты «Темпы», вошел в аудиторию и крикнул: Товарищи, поучайте последний номер газеты. Есть интересней материал.

Интересней материал был конечно обо мне. На второй странице была напечатана статья, начинавшаяся крикливым и обидным заголовком:

ПРОТИВ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО ДЕЛЧАСТВА

А ниже шел убористый текст: «Мелкобуржуазное делчество оставляет некоторых студентов. Они увлекаются акадезмом, забывая о том, что сейчас школа

не только техницист, квалификованные, но и общественно активные кадры. Эти люди обычно ничего не видят дальше своего академического носа и терпят вежливую перспективу.

Совершенно понятно, что этот академик является правым оппортунизмом на практике. На нашем факультете лучшим представителем таких академиков является комсомолец Семенов. Он отказывается выполнять комсомольские нагрузки, мотивируя это тем, что академиком нельзя сочетать с общественной жизнью.

Академиком, и в частности академику Семенову, комсомольцы нашего факультета должны дать решительный отпор. Для этой цели создается специальное общество: «Соврав».

Нижне стояла подпись: Громова.

Кто-то вслух читал статью Громова, ребята сморкались особенно «пантине» места, и только молчаливый, но неглубокий Алешин и нашел в себе мужество сказать:

— Громова неправ. Попробовал бы он позаниматься так, как занимается Семенов. Из Громова выйдет липовый инженер, а зато Семенов будет инженером на-от.

Кто-то это ответил Алешину, начался спор, громко и высоко вслепая слова. Я вышел из аудитории и, сморкав газету, пошел по коридору.

Тяготила мысль, что обругали меня совсем незаслуженно. По-прежнему тверда была во мне вера в свою правоту. Я, конечно, продолжал быть коммунистом, несмотря на то, что не мог угодить Громову.

Он считал меня оруженосцем правого оппортунизма. Чужак!

VIII

На этот раз плакат был особенно ярким и призывным. Ячейковый художник Ширков постарался. Он не пожелал ни бумаги, ни красок, ни труду. Плакаты висели в коридоре и во всех аудиториях.

СЕГОДНЯ

состоится собрание факультетской яч. ЛКСМУ

Повестка дня:

1. Дело комсомольца Семенова.

2. Текущие дела.

Начало собрания в 6 часов вечера.

Явка комсомольцев обязательна.

Приглашаются беспартийные студенты.

Бюро

Никогда на ячейковом собрании не приходило столько ребят. Присутствовали почти все комсомольцы. На скамьях сидели и беспартийные. Настроение напряженное, чувствозалое, что ожидается нечто необычное.

Говорил от имени бюро агитатор Львовичко.

— Мы неоднократно предлагали Семенову общественно-политическую работу. Он сорвал работу агитколлектива на швейной фабрике, он же провалил работу кружка на другом предприятии. Мы вызывали его на бюро, но он счел нужным заболеть. Политической жизнью страны Семенов не интересуется. От людей и событий он отторгался китайской стеной академических дел. Поведение Семенова—это поведение мелкобуржуазного делегата, оппортуниста, на знамени которого написано: «Я—формула». Бюро ставит на обсуждение собрания вопрос о поведении Семенова.

См. стр. 17.

В первую декаду на доске выплавки третьей печи цифру 67 стера и поставили 89.

— На второй печи акхули: догоянот.

— Не давать!—решили на второй.

Первая стала судабей.

— Третья—ударная, —указывая Логин.—Догоянот!

— Не садим!—отвечали на второй.—Мы им накрутим!

Смены второй печи давно собрались и брали дружно. На третьей же брали напором.

Логин отменял:

2-я печь—95.

3-я печь—92.

2-я печь—97.

3-я печь—95.

Логин качал головой.

— На второй дружнее идет. А вы, ребята, все больше критиче...

Черенцов, потный, обожженный, стоял перед Арсенюкой. Арсенюка только что кончил смену и шел умытьясь.

— Что же—сдаваться?—спросил он, тяжело дыша.

Арсенюка понял. Нозари его раздупались. Он вернулся, взяв лопату и подошел к доске:

— Скольк?

— Вторая—98, третья—93.

Легче удар лопатой в лоб.

Стригари, разгорелось. Ребята вылили на мою голову много упавшей грязи. Особо усерствовал карьерист и подлазник Догоянот. Это и болало говорил недавний друг мой Вера Громова. Бурную и ожесточенную речь проносил Громов. Он изобразил меня предателем, дезертиром с боевого участка, лазутчиком классового врага, махровым делегатом и оппортунистом.

Эго и болало говорил недавний друг мой Вера Громова. Бурную и ожесточенную речь проносил Громов. Пустив в ход все испятанные приемы демаггии, он изобразил меня предателем, дезертиром с боевого участка, лазутчиком классового врага, махровым делегатом и оппортунистом.

Я не запомнил веста. Гольдин, Ровинский, Бреславцев, Никоденко. Черным шев, кажется, Мировишквоз—все, бил себя в грудь, ругал меня и изобличал во всех преступлениях.

Только Алешин снова выступил в мою защиту.

Он говорил веско и убедительно, доводы его были прочны и нерушимы, Алешиным руководили здравые мысли и понимание людей.

Когда Киселев—председатель собрания—сказал, что слово предоставляется мне, по залу пронесся шопот и кто-то в силу мне бросил:

— Ишь, гусь лапчатый!

Что я мог сказать? Я повторил те доводы, которые изложил Громову, рассказал о естественном разделении, о природных способностях и наивности, полнукис, закончил так:

— Я готов отдать всю свою жизнь за дело партии и революции. Именно поэтому я хочу быть хорошим инженером, а не профаном и недочкой. Если это преступление—что ж...

Были внесены два предложения. Спокойный и рассудительный Киселев сказал, что мне нужно сделать предупреждение и немедленно нагрузить общественной работой. Дорогоченко внес второе предложение:

— Семенов надо исключить. Об оставлении его в рядах организации не может быть и речи.

Было принято предложение Киселева.

IX

Вот и все. Со всей искренностью и полнотой я раскрыл перед вами всего себя, свою душу. Я не скрыл ничего. С начала и до конца прочитал вам последние главы из книги моей жизни.

— Кто же прав? Я, считающий, что нужно учиться, учиться и учиться, чтобы потом отдать свои способности и мускулы социалистической стройке, или Громов, наиславивший на меня всевозможные ярлычки?

Кто из нас лучше выполняет директивы партии? Я, отдавая все свои силы пережелем и формулам, чтобы, раскрыв их, овладеть ими, или Громов, просидевший не одну тору барок на председательских стульях, вечно бегущий по коридорам и агитирующий?

— Я верю в свою правоту. Эго вера облегчает мою исповедь. Я надеюсь, что здравый и трезвый рассудок подсказает вам, где правда.

Потому я безобязанно прихожу к вам и говорю:

— Судите меня!

С. Семенов

ТОВАРИЩИ!

ПРАВ ЛИ СЕМЕНОВ? ОБСУДИТЕ ЕГО ПИСЬМО. НАПИШИТЕ В „СМЕНУ“ СВОЕ МНЕНИЕ.

РОГОЖА

— Становись!—нистово закричал он и бросил Иванцову его лопату под ноги.

Как, без сменя?—замерзгал Иванцов, остановившись снимать рубуху.

Арсенюка свистнул. В отблесках пламени он бешено работая лопатой:

Логин отменял:

— 2-я... 98, 3-я... 98...

— Ага!—закричали на третьей.

Арсенюка без шапки, полуголый, с черной грудью и черным лицом подгонял бригаду.

— 2-я... 98, 3-я... 95,5.

Вся бил в колокол и отчаянно ара:

— Дашь четыре плавки!

Логин с трыпкой в руке подошел к доске. Он стёр цифру и дрогнувшей рукой медленно вывел:

— 102...

Пионеры пришли всем отрядом. Они выстроились в два ряда перед печью № 3.

Пионеры сказали слово. Арсенюку заставили отвечать от молодежеской бригады.

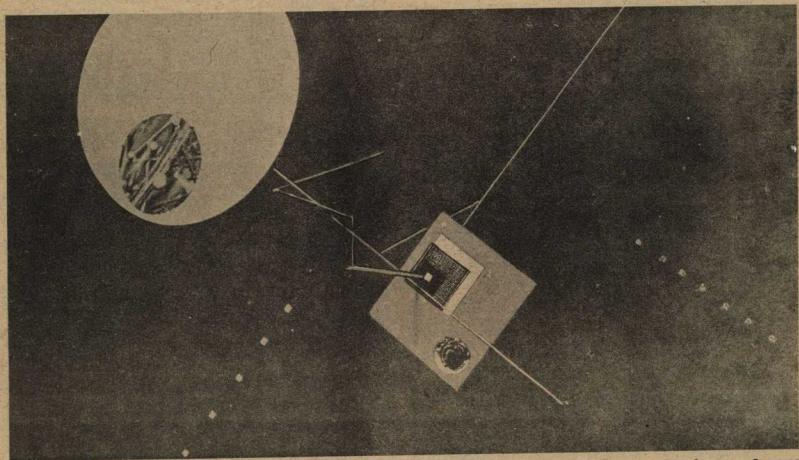
Потом Миронка, как скворец, носел на перелет.

И там, где недавно несколько часов везла рогожа, прибили доску.

На доске слова:

— КОМСОМОЛ ДЕРЖИ БОЕВОЙ ПОСТАТ.

ОТРУБИТЕ ей КРЫЛЬЯ

Памятник Колуibu—проект Леонида

«Невинное фантазерство». Эти два слова находятся явно в незаконном сожительстве. Слишком мало обосновано отношение к фантазии как к чему-то забавному, занятию и, во всяком случае, безвредному. Загляните в словарь синонимов, и вы увидите, что глаголу «фантазировать» там сопутствуют такие слова: строить несбыточные планы, создавать воздушные замки, витать в облаках и т. д. Конечно, и в облаках неплохо витать, если под это занятие подведена солидная база в виде, скажем, хорошего дирижабля. Но предаваться такому занятию «на крыльях фантазии»—дело заведомо нерациональное и, опасное.

В эпоху социалистического строительства, в годы великой реконструкции, когда все подчинено стройному плану, нет нужды строить несбыточные планы, «воздушные замки» тоже. Надо строить Магнитострой и Ангарстрой. Когда реальная жизнь обгоняет всякие фантазии, фантазировать может лишь тот, у кого есть склонность поддаться умчатым от «скудного сердца». И эту истину не опровергнут никакие словеса о «прекрасном завтра», ибо оно—это завтра—готовится именно сегодня.

О том, что скрывается иногда за гостеприимным крыльшком фантазии, мы хотим показать на одном только, но весьма поучительном, примере. Дайте руку читателю и идите за мной. А если вы москвич и дорогу знаете, то слушайте на Рождественку, 11. Здание Вхутемаса (позже Вхутенна), что во дворе этой усадьбы—всакый знает. Бросается оно в глаза своими зелеными изразцами, особенностями своего стиля. Теперь в этом здании помещается Архитектурно-строительный институт—единственное в СССР учебное заведение такого рода.

Давайте знакомиться с жизнью института. Проще и быстрее всего это сделать, перелистав небольшой (пока) комплект молодой газеты института Пролетарский инженер-архитектор. Из комплекта газеты вы узнаете, как студенческий и преподавательский коллектив института напряженно работает, чтобы дать социалистическому строительству своих архитекторов. Узнаете вы из этого комплекта, как приходится коллективу настороженно бороться с нуждами элементами, с враждебными выступлениями—не только в политическом, но и в чисто архитектурных вопросах, как приходится оштрафывать институт от всякой проделки туда мрази—от откровенных чернокопателей до фатоватых «экоржиков».

Вот Аполдханов, из-за партийного билета которого выгнана рожа порочница. Этот «коммунист», студент первого курса, выступил против преподавания социально-экономических наук и в то же время отстаивал тезисы об употреблении епархиями крохи христианского (так и говорил—христианских) детей. Аполдханова выгнали из партии, из втуза. В конце концов, столь откровенные враги наше

опасны, потому что их легче разоблачить. Но гораздо больше вреда могут принести такие скромные «незаметные герои», вроде уже разоблаченных липовых комсомольцев—сына дивчца Круглянского и Загрома, присовнвших себе звание кандидата партии и сына бедной. Не много пользы приносит институту и принесут советской стройке студенты вроде некоей хохотушки Крушелинской, весело называвшей дураками (под одобрительный смех «экоржиков») тех, кто пойдут на первомайскую демонстрацию. А вот какая-то церемонная, жеманная Зина, недоукающая, когда товарищи называют ее по имени.

Какая я вам Зина, я скоро инженер! К числу друзей этой Зины принадлежит, должно быть, все те, кто тайком носит инженерские значки (есть такие в институте) и вероятно воздыхают от белой подальше аристократического студенческого мудрака бывших времен. Под стать им чванные невежды, любящие вести спор на тему «кто культурнее, кто инженернее». Среди им группы студентов, отказывающейся от участия в социалистическом соревновании.

Партийной и комсомольской организациям института приходится вести немалую борьбу с такими и им подобными кандидатами в архитекторы, которым заведомо ничего нового не построят. Подновлять старые развалены—вот стремление таких архитекторов, реставрация—вот их излюбленный стиль.

Понятно, что такой стиль требует прикрытия, и прикрытия было найдено в виде некоей платформы, некоего знамени—ужасно легкого знамени, вобравшего именуемого «леонидовщиной» (по имени своего основоположника—преподавателя архитектурного проектирования Леонида, отведенного от преподавания пролетарский сознательным ядром студенчества).

«Леонидовщина» это по форме, по внешности сужасно доевое течение в архитектуре, а по существу реакционернейшая дребедень, враждебная социалистическому строительству. «Леонидовщина»—это прищипанное витание в облаках—лишь бы подальше от грешной и скудной земли. Но даже когда архитектору и вообще любому строителю скучно,—строить ему приходится все-таки на земле и только на земле, будь то трамвайное депо, огромный дворец культуры или киоск для продажи мороженого.

Автор этих строк всего только журналист, а не архитектор. И он не смог бы создать не только что проект самого маленького клуба или жилого дома, но ему был бы не под силу даже проект простейшей системы скоростника на одну птичью персону. Но несмотря на столь бесконечную архитектурную бедность и безграмотность автора, для него—точно так же, как и для любого читателя, имеющего склонность к здравому мышлению,—ясно, какие

требования предъявлялись к советскому архитектору в период социалистической реконструкции и колоссального строительства.

Наша, в подлинном смысле и ша в архитектура должна прежде всего учитывать экономические условия. Каждый шаг надо класть с учетом пользы для социалистического строительства. Угнаться надо, и какой строительный материал в каждом данном случае более целесообразен, и какой тип постройки наиболее в данном случае пригоден. Надо применять к постройке все достижения науки и техники. Но мало построить как можно быстрее, дешевле и лучше. Нужно, чтобы постройка здания максимально отвечала своему назначению. Но не пугайтесь излишества. Не стройте для размещения фабричного цеха танцевальные залы с колоннадой, не оформляйте помещения для детского сада в виде какого-либо роскошного буфара (или раздевалки в банях 1-го класса), где много лепной драпы, но мало света и т. д. и т. д. Наконец, и стиль архитектуры тоже имеет немалое значение. Если бы построили рабочий поселок в виде стройных рядов казарменных желтых зданий (кстати, таково именно новое здание Госбанка на Неглинном)—вряд ли это будет похвалено на социалистический город. Значит, и в архитектуре имеют немалое значение оба фактора—форма и содержание; значит, в архитектуре недопустим (и пожалуй, практически, вряд ли возможен) разрыв между формой и содержанием. Не получится хорошее содержание при скверной форме!

Переход в советское время по наследству от старого архитектора, чья мысль тяжела и грузна, как эпоха, которую они предшествовали. Неудачные и неудобные проходы типа барских усадеб, подражание феодальным замкам с их арками, сводами и всякой чертовщиной—такова программа реакционеров от архитектуры. Дай этим волю, так они весь СССР застроят зданиями-бегемотами вроде памятника Александру III в Ленинграде (правда, сам-то памятник—продукт советской мыслишки над царями).

Но есть и другие течения в архитектуре, внешне более современные, но по существу чуждые. Они вообще отрицают архитектуру как искусство, а заодно и всякое искусство. Тем самым они стремятся вырвать из рук пролетариата такое мощное оружие воздействия на человеческую психику, каким является искусство. Другие интересуются только внешней формой здания, не думая об его экономической и всякой иной целесообразности. Леонидов сумел в себе объединить наилучшие черты этих последних двух течений. Больше всего Леонидов и его последователи увлечены формой. Можно ли на практике воплотить их проекты—они не интересуются, об этом пусть думают инженеры. Если нет для такой постройки подходящего материала—лучше изобретут. А их, Леонидовых, дело—свободно творить. Не мешайте же вольному полету их фантазии.

Как Леонидов проектирует? Любопытен самый метод его творчества.

О его проекты и изыскания, и оригинальны, и... беспредметны. Возьмите немного стекла, немного янтарной скорлупы, немного бумаги, немного клея, невозможно сверхъестественных идей, и пожалуйте, готово все, что требуется. Вот город, вот клуб, вот завод. Феноменально, изумительно, блестяще, революционно, чорт возьми! А попробуйте построить этот феномен, ни материалов, ни средств не найдется. Но это уже не его, Леонидова, дело. Правда, заказчик недоволен. Но что он понимает, символический, в архитектуре. Пусть идет к торту заказчик и не слышит свободное творчество художника. Слышите, чувствуете, как из-под толты лезвья и революционные прорываются звуки крика? Крик протеста? Или протеста?

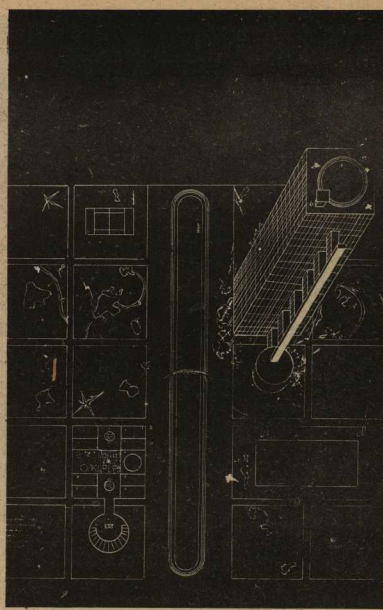
Однажды, к изумлению самого Леонидова, эти «серебряные» показали, что они прекрасно разбираются в архитектуре. Это было тогда, когда Леонидов напрокинул мыльные пузыри, якобы изображающие древней культуры протарского района Москвы. Ну и испугался ему пролетарии! Просто, без всяких словесных оружений и фрагментов, сказали они ему:

— Не нужна нам архитектура, не интересующая экономическими и культурными задачами рабочего класса, его социалистическим строительством.

То же самое сказала студенческая и преподавательская общность архитектуры-строительного института. Осудил леонидовщину и Сокольский райком партии.

Превознеси леонидовщину до заоблачных высот те, чьи типы были показаны вначале. Мелкобуржуазная часть студентства и известные элементы профессуры избрали для себя леонидовщину знаменем. Сплотившись вокруг этого знамени, они выступили против основных принципов советской высшей школы, в частности против производственной практики и т. д. Однажды на собрание, где разбирался вопрос о леонидовщине, являлся сплоченная группа защитников, состоявшая из «академиков», во главе с министром архитектуры, ром Весниным. Больше того, были даже случаи, когда партийцы, соблазненные громкой фразой и ужасами гения, рьяно выступали на защиту леонидовщины. Опасность этого «левора», реакционного течения, как и всех «звеньев» уклонов, заключается в злой, якобы революционной фразе (не шутите с ним!), отрицающей даже всю старую культуру, вместо того, чтобы вооружить пролетариат всем ценным из культурного наследия прошлого. Но самое главное, основной вред леонидовщины, это сознательный отрыв от жизни, от реальных условий. Неудивительно, что все мелкобуржуазные элементы, недовольные советской действительностью, не понимающие величия социалистического строительства, идут утешения на пути отрыва от этой действительности до бы на крыльях фантазии. И тем охотнее принимают услуги Леонидовых—проводников из мира реальности в мир иллюзий. А когда все это вдоволь сабрируется соусом гениальничания, чего уж приятнее желать!

Итак, насколько вредна леонидовщина для разрешения проблемы кадров. Она плодит неуцел, не желающих преодолевать трудности учебы, несущихся куда-то вдале (от социалистического строительства) и неспособных к практической деятельности. В лучшем слу-

Магитогорск. Жилой район—проект бригадир Леонидова (бригад 000)

чае (который достаточно плохо) получаются искалеченные люди, неспособные ни на что, обижены, мнящие себя непризнанными гениями. И это все относится, конечно, не только к архитектуре, а к любой отрасли. Есть почва для такой же леонидовщины во всяком вузе или вузае, где нет крепкого пролетарского руководства, но достаточно мелкобуржуазных элементов.

Сколько молодежи калечится, губится всякими Леонидовыми, сколько их она крыльях фантазии увлечется в пропасть. Наша действительность настолько грандиозна, что мы можем позволить себе роскошь не фантазировать. Так объявим же войну беспредметной творческой фантазии! Отрубим ей крылья!

ГОТОВИТСЯ

Специальный номер „СМЕНИ“

ПОСВЯЩЕННЫЙ ШЕФСТВУ
НАД ВОЕННО-ВОЗДУШ-
НЫМИ СИЛАМИ СССР

ЧИТАЙТЕ И ВЫПИСЫВАЙТЕ „СМЕНУ“

КОНЕЦ ЧЕЛКАША

3. ОСТРОВСКИЙ

Осенними сумерками кончала работу дневная смена. Утомленные, расходившие грузчики с товарного двора. Сегодня была жаркая работа. С ночи на «Одессе-товарной» застоялось otto хлабных вагонов, их надо было быстро разгрузить, освободить стационарные пути для новых сотен вагонов. Утром начальники станции вывели к себе «стар- ружиков» и пошла совещалась с ними. Старшки обещали. Мясла только одно. Его ребята работали на яме, это были самые отсталые, самые «старорежимные» грузчики. Они рассуждали так:

— Заработал два рубля — и хватит. Чего мне кисить надарывать?.. Старшк не был уверен. Он ничего не обещал. Сотню вагонов — разгрузку без «ямы». А когда отбашнивая и вышли за ворота, — лицом к лицу встретились с разрыренной пьяной компанией. То были отколовшися.

Пьяные бутылки градом полетели в головы грузчиков. Началась побоеще, отаргитанное, кровавое, одно из тех случаев много знала Одессе-товарная, когда прилегающие улицы становились ареной кулачных боев и расправ.

Так были встречены первые ударники.

Грузчики издавна делились на «руки». В каждой «руке» по двенадцать человек. «Руки» разделились на «четверки». Было, дадут одной руке на выгрузку десять вагонов. Первой «четверке» приходится разгрузить четыре вагона, остальным двум — по три вагона. Две «четверки» кончат работу раньше и уходят, а третья надарывает, покоряняя тяжелой силе тридцати.

Висело над этими людьми проклятие прощания. Каждый работал для себя. Обеднялись, когда шли на дело: испарывать мешки, влзывать ящики, тащить из кулеи. Ходили вниз грузчики в длинных шинелях со специально шитыми внутри огромными карманами. В этих карманах тонуло все, что шло лежалю.

«Руки» правдолади, внутри «руки» не знали «четверки». Портювые грузчики приходили бить грузчиков товарной станции. После работы сходились на кулачные поединки, а на следующий день выходили с окровавленными лицами и кровоподтеками.

Шарьками гулялы мародеры и «кровососатели». Засорилась товарная станция подорываемым «оборудом, остатками люмпен-пролетарията, котрым была богата старая Одесса.

Как случилось, что в Одессе-товарной родились вдруг одна за другой три коммуны грузчиков? Как стал ударником Попка Кубис, тот самый, про которого говорили на Сиротской площади:

— Попка Кубис? Это большой златок. Он знает: на работе украсть, на работу прийти пьяным и уйти пьяным. Это — специалист!

На Сиротской площади грузчики выгружали уголь из вагонов и раздавали по ордеру лашкам Черкашю. Кто сунет в руку грузчику рубль, тот получит лучший уголь, остальным доставалось «сметье». Ежели не хочешь брать плохой уголь, — жадулы «люду!»; на грузчиков не было управы.

Управы нашлась среди самих грузчиков. Недовольство лашком дошло до Одессе-товарной, и отсюда на Сиротскую перебросили две другие «руки». Здесь старшаками были Литвак и Жаров, первые ударники.

Взяты на Сиротской прекратились. Две «руки» объявляли себя коммуной. Стали поровну делить зароботок. Уговорились, что коллективной будут отвечать за выгрузку и погрузку. Но это еще не было настоящей коммуной. Где научиться, откуда взять пример и опыт?

Пошли на соседний со станции паровозный Январский завод. Там коммуны еще не было. Зато завод еще больше слепота ударников.

Четырех коммунаров послали на профессору — пусть подучатся. Пошли на курсы и Попка Кубис. Через неделю он дал зарок не пойти и объявить себя ударником. Тогда же он написал первую заметку в стенигазету. Это произвело более опешмляющее впечатление, чем если бы в стенигазете появились статья папы римского.

На Сиротской площади с раннего утра горячая работа. Здесь выгружают грузы для всего города. Госторг, Ваког, Черкабоко, уголь, картошка, — выгружа, внавака. Когда не было коммуны, здесь работало 36 грузчиков на выгрузке 26 — на наладке и 24 — на грузах. А теперь 86 человек. Коммуна повела дело так, что Вакога 86 человек работают 54 грузчика. Остальные имеют по очереди выходные дни за счет коммуны. 54 делают это дня в день в полтора раза больше того, что делал прежде 86.

Может быть, появились вдруг разгрузочные механизмы, краны, блоки, переругатели?

«Дюжак» одеситы наваляют памятник Рихелье, одному из основателей города.

Никаких механизмов пока нет. Все делается вручную. Люди — один и те же. Но эти самые люди уже не те.

Грузчики-коммунары зорко следят во время работы друг за другом. Перестать «третаться» зря, не раскручивают во время работы, не обещивают и не обещивают лашком, приходящих за своей сменой, не веруют. За кражу коммуна немедленно изгоняет из своей бригады и так ославит, что ни на какую другую работу не возьмут.

Завселились грузчики на ошовой рамине, — пролетак и в «яме». Через два месяца на Одессе-товарной работа три коммуны. Каждую из них прикрепили к определенному роду работ, и теперь администрация станция спокойна за тем и качество погрузки и выгрузки. Никакая организация до сих пор не могла сделать того, что теперь, три коммуны, достигается без большого труда. В конце декабря загоры простояли всю маневровую работу по станции. Поднялась коммуна, и в два дня выгрузила сверх обычного 112 вагонов хлаба.

Если руководить коммуны требуют, — значит надо. Грузники откладывают обед, и десятки вагонов оскобываются под тракторы, под посевной материал или идут порожняком на соседнюю станцию Пересыль. Коммуна сделала из вчерашних люмпен-пролетариев сознательных рабочих. Они учатся не только делить поровну труду и зароботки, но и сообща держат ответ за порученное дело.

В каждой из трех коммун — партийный организатор, профуполномоченный, председатель производственной комиссии, комитет труда и быта.

Прежде было одно: тянуть ямку и шить воде. Вот все, что знали грузчики в отношении времени. Тяжелая, несветлая была жизнь в горьковских Челкашей. Те, что не шили, иворили пролезть в старшки, чтобы обшчитывать товарищей при расчетах. Грузчики не уважали себя, как не уважали их никто вокруг.

Может ли они прежде думать, чтобы своими руками, своим умом улучшить труд и сделать его легче и продуктивнее? На Одессе-товарной по завешенному порядку грузы возились такими с первого пролета до последнего. Всего пролетов девять. Пока дозвует до де- вятого, сколько времени проедет? Грузчики предшмляли перенести первый пролет в четвертый. Это дадо 65 процентов экономии.

Свой зароботок коммунары получают сразу через сберкассу. Касса откладывает за каждого определенную сумму в фонд кредитования. Приходит срок, и грузчики организованно получают в кооперации обед и обувь. В квартирах у себя грузчики проведя радио. Коммуна также заботится об организации лучшего питания в закрытой столовой.

Грузчики Одессе-товарной тянутся к коммуне. Но сейчас коммуна стала строже относиться к приему новых людей. За проггу грузчик исключается из коммуны — такой жесткий режим. Среди грузчиков Одессе-товарной нет больше места мародерам и шуринкам.

«Мишка-юрист» — потомственный грузчик, сын грузчика. Восемь лет таскает на плечах ящики и мешки. Тяжелый труд еще не сторбил спину. С виду «Мишка-юрист» не похож на силача, каким знают его Одессе-товарная и Сиротская площадь. А может он взылать на себя и шесть и восемь пудов и спины не согнет.

«Мишка-юрист» не только грузчик. Кончилея труд на Сиротской, — юрист идет в город, в центр, на курсы. Пусть смеются дураки и обшчитатели — грузчик Литвак хочет быть юристом без ковричек.

Это Литвак разобачил воров, позоривших всю станцию мелкими кражами. Это он выступал общественным обвинителем по делу о краже 25 мест. Это он, «Мишка-юрист», протестовал против уловного приговора воров.

Ког коммуна повела пропагандистскую работу в массах, его прикомандировали к прокурору «для учебы». Долго присматривался грузчик к прокурорской работе, ногами изучал советские законы, ходил в суд, выступал защитником по трудовым делам грузчиков.

Коммуны организовало он, Миша Литвак. Пока коммуны крепки, закончившие его учеба на юридических курсах. Окружному суду надо пополнять ряды членов суда, — и грузчики Одессе-товарной выставляють своего кандидата — товарища Литвака.

И вот вчерашний грузчик заседает в суде. Назначает дела, слушает судит. Приходит десятка протестов с жалобами и заявлениями. Новый член суда откладывает каждого через несколько минут, давая совершенно четкий, не требующий повторения ответ. Старая секретарша окружного суда с удивлением смотрела, как грузчик справляется со сложным судебным «производством».

Коммуна грузчиков на Сиротской перебрала своего профстаршак, профуполномоченного. До сих пор профуполномоченным был Литвак.

Переборы на Сиротской были самыми обыкновенными, и никто из грузчиков не удивлялся, что их «Мишка-юрист» теперь заседает в суде и не может поэтому сам присутствовать при переборах.

ИЗВИНЕНИЯ старому РЫБАКА

И. АМУРСКИЙ

Комсомолец-рыбак Кузнецова Николая из переселенческого ловещего колхоза «Завет Ильича», что находится в Советской гавани¹, знает за сотни километров в округе колхоза. Знает его как самого смелого моряка пути ли не на всем северном побережье. Между тем Кузнецову едва исполнилось двадцать лет от роду, к тому же здесь он совсем недавно, с лета 1930 года. Благодаря таким причинам так быстро выросла популярность молодого рыбака—увидим дальше. А сейчас мы немножко отвлечемся в сторону, чтобы познакомиться с другим, не менее интересным героем этого очерка, старым моряком Сергеем Александровым, прибывшим сюда с дальнего Каспия вместе с Николаем Кузнецовым. Собственно говоря, если судить с внешней стороны, то особенно интересного в этом человеке конечно ничего нет. Обычный тип старого рыбака. Но он замечательный моряк!

— Море ему,—смеются ловцы,—все равно, что родной дом. В один из первых же своих выходов на лов в море, он чуть не поплыл вместе с командой своего кунгаса², будучи отнесшимся далеко от берега неожиданно разразившимся штормом. Только опытность старого бойца моря, закаленного почти в 30-летней борьбе с волнами, хладнокровие да выносливость выручили. А то бы... капут!

Этот случай сразу помогло Александру «расквитаться», что из себя представляет Тихий океан, понять его характер.

— Э, дружище, так ты вот какой «Тихий»,—смеялся рыбак потом, когда удалось все-таки без потерь возвратиться на промысел.

Поняв, с кем приходится иметь дело, Александров, с малых лет привыкший быстро приспосабливаться к новой обстановке на море, вскоре выходил на лов со своей командой далеко от берегов и возвращался каждый раз с огромным количеством пойманной рыбы. Но рыбаки остальных кунгасов трусливы. Они не уходили далеко от промысла. Их все время пугала мысль:

— А вдруг да захватит тайфун?

Все астраханцы, прибывшие в Советскую гавань вместе с Александровым, за исключением Кузнецова, были довольно опытными морскими ловцами. Им не раз приходилось иметь дело с морем, со штормами. Но волны на Каспии совсем не такие, как здесь, и глубины не те, и погода более устойчивая. В течение большей части весенних, летних и осенних месяцев Каспий лежит спокойно, тихо. А Тихий океан—сумасшедший. Подверженная влиянию двух течений: теплого, идущего с Японского моря, и холодного—с Охотска, Советская гавань и прилегающая к ней бескрайняя вода³ степь почти всегда—в бурном волнении. В отличие от мелкого, хотя и крутого воли Каспия, волны Тихого океана похожи на крупные высокие холмы, с пологими скатами. А какая разница в глубинах! Море на Каспии имеет глубину в 8—10 метров самой большой, на которой ему приходится бродить сюда. А здесь сличную считается глубина в 80—100 метров.

Ко всем этим местным особенностям новому человеку, естественно, приходится привыкать. Но привыкать можно по-разному. Так было и в данном случае с астраханцами. Через полмесяца опытный, смелый старый моряк Александров, успевший побывать в шторм на Тихом-океане, чувствовал себя вполне освоившимся с обстановкой. Остальные же члены колхоза при одной мысли смугнуться за несколько километров от промысла—дрожали. Выметывая сети по близости от берегов, они возвращались почти каждый раз с пустыми руками, без улова. Такое положение грозило окончанием с обстановкой чужих планов, полным разорением тех переселенцев из колхоза «Завет Ильича». Но что делать? Как ни старался Александров увещать за собой в море колхозников, это ему не удавалось. Опасаясь угрозы океана, рыбаки продолжали выметывать сети попрежнему недалеко от берега. А над Александровым и его командой только посмеивались:

— Ничего, довертеться, допрыгаться! Все до поры, до времени. Когда же лов окончательно стал падать, некоторые начали поговаривать:

— Не лучше ли вернуться обратно на Каспий?

Неизвестно, как долго продолжалось бы это, если бы не произошло такое неожиданное изменение в жизни колхоза.

На одном из собраний колхозников, на котором обсуждался вопрос, как же быть дальше?—Действительно может быть лучше вернуться на Каспий, или надо предпринять что-то другое,—выступил в прениях комсомолец Кузнецов. Его речь была совсем коротка. От имени четырех своих товарищей, тоже комсомольцев, разбросанных по другим кунгасам, он заявил:

— Выдайте нас в самостоятельную команду. Дайте нам кунгас. Мы хотим объявить себя удальцами и обещаем, что не только выловим, но и перевыполним план.

При создавшейся обстановке это заявление было настолько неожиданным и смелым, что даже Александров, все время привыкший товарищам и в разговоре удальчатыми темпами, не выдержал и бросил замечание, сильно обидевшее Кузнецова и его товарищей:

— Молокосос! Куда дельте! Надо добиться, чтобы опытные люди перестали трусить, а вы... ха-ха... тоже удальчики!

Председатель иронически замечает, обращаясь к Кузнецову и его группе:

— Эх, дети! Да сможет ли хоть кто-нибудь из вас хотя бы сеть

Рыбак готовится...

правильно вымариовать? Не говорю уже о таких вещах, как управление парусом, владение рулем. Ну?

— Даешь кунгас!—зашутили ребята.

На собрании ни до чего так и не договорились. Вопрос скомаки. Большинство привало задание Кузнецова за шутку. Но правление колхоза вскоре пришлось убедиться, что комсомольцы вполне серьезно решили осуществить свое намерение. Пришлось сдаться под их напором, отозвать ребят и других команд и выделить в особую группу. Дали им отдельный кунгас, назначив в качестве шкипера—Кузнецова.

— Что же, пускай потешатся ребята! Все равно кунгас пользы сейчас не дает!—решили правление.

Тогда комсомольская команда готовилась к самостоятельной работе: старые рыбаки-колхозники продолжали посмеваться над безусыми латынниками, из которых самому старшему было 20 лет. Но вскоре всем пришлось изменить мнение.

С первых же дней выхода в море комсомольцы показали героические примеры. На второй же день самостоятельного плавания ребята вышли в море настолько далеко, что и Александров был удивлен их смелостью. А через полмесяца кунгас под командой Кузнецова отделился от берегов значительно дальше, чем кунгасы сфабрикованные до сих пор самой героической александровской командой. Комсомольцы нередко привозили значительно более богатый улов. Растерявшиеся от неожиданных успехов юных удальчиков старые рыбаки чувствовали себя униженными:

— Какой позор, мальчишки забили! Вот тебе и «молокососы»!

Один за другим стали выходить на лов все далее и далее от берегов и остальные кунгасы. Наконец колхозники окончательно освоились с обстановкой и забавой от недавней трусости. В октябре месяце, когда надо было направиться все силы для того, чтобы за счет иван⁴ пошедшей огромными косками и деркашней⁵ на большой глубине далеко от берегов, перекрывать течения, и даже те кунгасы, команды которых считались самыми трусливыми, стали выходить в море за несколько десятков километров. Намеченный план лова был выполнен значительно лучше, чем на многих старых промыслах, расположенных по соседству с «Заветом Ильича». Кунгас под командой Николая Кузнецова и кунгас Александрова первыполнили задание, данные им.

Во время сильного шторма, неожиданно разразившегося вечером 9 октября и унесшего на бере Промыслов массу жертв, кунгас Кузнецова находился в 15 километрах от берега. Борьба с валевящимся циклоном, доходившим до 11 и более баллов, ребята неуправляемой волной только кое-как достигли декашей в нескольких километрах от Советской гавани Илюинской бухты, избежав значительной участи мгинов. Благодаря дружной работе команды и хладнокровию молодого шкипера, кунгас удалось довести до берега без малейших повреждений.

Три дня тщательно выискивая комсомольцев над тем, чтобы выйти из Илюинской бухты и возвратиться к своим. А когда все-таки на четвертые сутки вырвался и добрался до Советской гавани, их здесь приветствовали как самых смелых моряков. Боевую команду вышед встречать почти все колхозники.

Встретив сошедшего с кунгаса Кузнецова и порывисто схватив его руку, Александров сказал ее в своей молодости сильной лаве и, едва сдерживая смех, растерянно промолвил:

— Прости, Коля... Обидел я тебя тогда на собрании...

Со всех сторон окруженный колхозниками, Кузнецов улыбался. Двадцатилетний шкипер был горд победой команды.

¹ Советская гавань находится на севере Приморья.

² Кунгас—парусное рыбачье судно.

³ Иван—поряд рыб, попадавшие в большом количестве в водах Тихого океана.

На IX с'езде

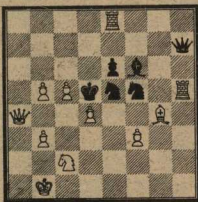
ШАХМАТЫ

После долгого перерыва «Смена» возобновляет печатание шахматного отдела. Его основная задача—широкая популяризация шахматной игры во всех ее видах—может быть выполнена лишь при тесной связи редакции с читателями. Шлите сообщения о шахматной жизни, партии, задачи, этюды и т. д. По всем вопросам редакция откроет широкую консультацию.

Редакция

Задача № 1

Л. Гугаль (Москва) 1-й приз «ВОЛЖ», 1930 г.
 Белые: Крf3, Фd4, Лe5 и h5, Сg4, Кс2, п. h3, b5, c5, d4 и f3. . . (11)
 Черные: Крd5, Фh7, Сf6, Кe5 и f5, п. e6. (6)

Мат в 2 (два) хода

Фамилии читателей, приславших правильные решения, будут печатаны.

ЕСТЬ КРЕПКАЯ СМЕНА!

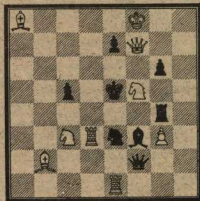
В последние время советское шахматное движение развивается под знаком буйного роста молодежи сил. Во всех почти соревнованиях на первых местах мы видим молодежь. С большим успехом она выступила на последнем шахматном чемпионате СССР, завоевала почетные места на чемпионате Москвы. На турнире мастеров Закавказья, Украины и Узбекистана первое место завоевала девятнадцатилетний украинец Раузер. На втором месте—тоже молодой мастер Готта и др., оставивший позади себя старых, заслуженных мастеров Селезнева, Фреймана и Непорокова.

Последний шахматный чемпионат показал, что и в шахках молодежь «напрягает»: старикн лишь качали головами, наблюдали твердую, крепкую игру шестнадцатилетнего Б. Блиндера а, получившего уже звание мастера.

Сильно выросла молодежь за последние время и в области составления задач и этюдов. Еще года три-четыре назад у нас было лишь несколько составителей, которые участвовали и побеждали на всех конкурсах. А сейчас мы частенько встречаем конкурсы, где высшие отличия

Задача № 2

Е. Уинов и Л. Лодинский (Ростов-на-Дону) 1-й приз «Western Morning News» 1930 г.
 Белые: Крf8, Фf7, Лd3 и e1, Ca8 и b2, Кс3 и f5, п. g3. (9)
 Черные: Крd2, Фf2, Лg4, Сf6, Кe3, п. c3, e7 и g6. (8)

Мат в 2 (два) хода

Фамилии читателей, приславших правильные решения, будут печатаны.

Турниры по переписке

«Смена» предполлагает в ближайшее время организовать ряд турниров по переписке. Просьба ко всем участникам турниров, которые были организованы прежде, сообщить в редакцию, окончились ли эти турниры, что полезного можно взять из этого опыта.

завоеывает молодежь, имеющие лишь один-два года стажа.

Завоевал ряд блестящих отечив девятнадцатилетний ростовец Уинов, быстро выдвигается его ровесник Голубев (Москва), шестнадцатилетний москвич Гугаль, девятнадцатилетний Калугин (17 л.) и другие. С большим успехом выступает вся ростовская группа проблемистов, состоящая исключительно из молодых,—как по летам, так и по своему стажу,—проблемистов. Летом этого года она даже пыталась отвоевать перенство у самой Москвы. Лишь из-за ряда случайностей ростовцы в этом матче потерпели поражение.

Из этюдистов особенно выдвинулся Т. Горгиев (Кизляр). Одна за другой быстро следующие победы поставлен его в ряды лучших мировых этюдистов.

Молодежь быстро растет, крепнет,—это дает нам твердую уверенность в том, что шахматное движение в Советском союзе будет всегда расти и сделать шахматы настоящим воспитателем трудящихся масс.

В ответ вредителям и интервентам

С января 1931 года началась реализация билетов 5-й Всесоюзной лотереи Осоавиахима. В продажу выпускается — 35.000.000 билетов на сумму 25.000.000 руб. Все билеты разбиваются на 10 разрядов. Каждый из десяти разрядов имеет свой самостоятельный тираж. Всего в 5-й лотерее Осоавиахима разыгрывается 340.872 ценных выигрыша на общую сумму 4.612.000 рублей.

Главные выигрыши:

3 выигрыша — кругосветное путешествие, сроком на 4 месяца, комбайн с трактором и с хоз. оборудованием (по выбору), стоимостью по 10.000 руб. каждый.

13 выигрышей — кругосветное путешествие, сроком на 2 месяца, трактор с с хоз. оборудованием, автомобиль (по выбору), стоимостью по 5.000 руб. каждый.

22 выигрыша — моторная лодка, жеребец-производитель (по выбору), стоимостью по 1.000 руб.

104 выигрыша — молотилка с приводом, рабочая лошадь, оборудование для столярной мастерской (по выбору), стоимостью по 500 руб. каждый.

380 выигрышей — велосипед, место в санатории сроком на 1 нед, ружье охотничье двухствольное, севлка 8-разрядная, жинейка (по выбору), стоимостью по 200 руб. каждый и ряд других ценных выигрышей от 10 до 100 руб. каждый.

Купившие билеты всех десяти разрядов участвуют во всех д е с я т и т и р а ж а х. Цена билетов с 1 по 7 разряд по 50 коп., и с 8 по 10 разряд — по 1 руб. за билет.

Шанс на выигрыши:

на билеты по 1 р. — один выигрыш на 75 билетов, и на билеты по 50 коп. — один выигрыш на 142 билета.

Все выигрыши, кроме комплектов билетов 10 разряда, по желанию выигравших могут быть выданы натурой или деньгами.

Тираж билетов 1-го разряда состоится в марте 1931 года.

Помни, что, покупая билет 5-й Всесоюзной лотереи Осоавиахима — ты укрепляешь оборону СССР.

Каждый трудящийся в ответ интервентам и вредителям должен иметь билет 5-й лотереи.

Билеты продаются во всех ячейках Осоавиахима, Госбанке, сберкассах и почтово-телеграфных отделениях.

БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК СОЮЗКИНО

ЗАПОМНИТЕ ИХ ЛИЦА

Режиссер — Ив. МУТАНОВ
Операт. — В. Монастырский
Художник — В. ХМЕЛЕВА

в главных ролях:

Н. АКИМОВ,
А. ДУЛЕТОВ,
И. ГЕНИН,
В. БОКАРЕВ,
Н. ЯСТРЕБЦКИЙ,
Т. СОКОЛОВСКАЯ,
Ф. ТАРАСОВ.

■
СОВЕТСКИЙ
фильм
ПРОИЗВОДСТВА
СОЮЗКИНО
(Г. Т. К.)

